НЕМЧИНОВЫ

Е. Кралькина

16+

Елена Александровна Кралькина

Немчиновы. Часть 3. Беспокойная зима

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55615250
SelfPub; 2020

Аннотация

Никогда в жизни Николай Иванов не праздновал труса. С детства приучал себя не бояться темноты. Ни разу в жизни не свернул с дороги, если навстречу шли крутые пацаны, ни разу в жизни не побоялся оказаться лицом к лицу с преступником. А сейчас спекся. Впору валерьянку пить. Из заключения вышел Недельский…

Содержание

Виталий Петрович	7
Валя	10
Юра	13
Наташа	22
Юра	26
Наташа	31
Юра	38
Виталий Петрович	40
Николай	42
Наташа	45
Валя	48
Юра	51
Игорь	55
Юра	58
Игорь	64
Валя	67
Юра	69
Валя	74
Николай	82
Игорь	88
Валя	90
Виталий Петрович	95
Наташа	99

Валя 105
Виталий Петрович 112
Наташа 114
Николай 115
Мишка 121
Виталий Петрович 123

Я так молилась
За тебя.
И гасла, изгибалась
Все свеча,
И будто не было
Конца,
И я в руках
Твои слова сжимала.
А пальцы
Страстные твои
Холодным стоном
Отзывались,
И я кричала,
И свеча,
Чуть вспыхнув,

Снова угасала.
И извивались
В крови голоса,
И среди них,
Для них
Ты появлялся,
Исчезал и,
Воскресая,
Удивлялся,

И тихо руку
Мне давал.
И я просила,
Чтоб ты
Не умирал.
Ты пей из рук моих живую воду…
И.К. Вавилин

Виталий Петрович

Наверное, неправильно сказать, что сегодня самый счастливый день в моей жизни, но определенно он один из самых счастливых и ярких. Никогда еще я не чувствовал себя настолько востребованным и нужным окружающим. Почти месяц мы с Пантелеем провели в Москве. Конечно, не от хорошей жизни. Стараниями Пантелея, Глеба Николаевича Иванова, отца большого друга нашей семьи Николая, десятков инженеров и рабочих в Сосновске возродился завод, который начал кормить весь город. Пантелей боялся сглазить, что жизнь в Сосновске наладилась, и оказался прав. Нашлись желающие прибрать завод к своим рукам. Формальным поводом стала неуплата налогов за годы, когда завод фактически лежал в руинах. По городу поползли нелепые слухи, что завод ликвидируют, а на его месте построят игорную зону. Люди заволновались, на территории завода было организовано круглосуточное дежурство, а я с группой юристов засел за подготовку документов для рассмотрения дела в арбитраже. Губернатор и Анатоль Батищев нажали на все возможные кнопки. Вчера в Москве, наконец, было вынесено решение в нашу пользу, более того, суд удовлетворил иск о возмещении упущенной выгоды, так как завод был вынужден отказаться от ряда контрактов из-за неопределенности прав собственности.

После судебного заседания первым же поездом мы с Пантелеем выехали в Сосновск. Когда мы вышли из поезда, я, можно сказать, был потрясен. Вся привокзальная площадь была полна народа. Люди собрались, чтобы нас встретить. Мало того, что нам преподнесли по огромному букету цветов, люди начали скандировать: «Молодцы!». В моей жизни такого еще не было. Первый раз в жизни я понял, что такое эйфория. Пантелей произнес небольшую речь. Аплодисменты перешли в овацию.

Нас с Пантелеем встречали Вадим с Валечкой и Анечка с Юрой. У женщин на глазах я заметил слезы, а сын явно мной гордился. Какое это счастье, что все наши разногласия с Вадимом остались в прошлом. Только увидев Вадима с Валечкой, я понял, как же я соскучился по всей своей семье, особенно по внукам – Сонечке и Сереженьке. Жаль только, что Мишель с Зиной остались в Москве. Мишель и его одноклассница Танечка поступили на физический факультет МГУ. Танечка живет в общежитии, а Мишель с Зиной – в квартире, которую мы с Вадимом приобрели в самом центре Москвы. Зина вызвалась сопровождать Мишеля, так как считает, что за ним необходим присмотр. Больше всего мы с Зиной боимся, что любовь Танечки и Мишеля перейдет во «взрослую» фазу. Рано им еще. Время от времени Танечка приходит домой к Мишелю. Они вместе занимаются. Если время позднее, Зина оставляет Танечку ночевать, но спит Таня в одной комнате с Зиной. Я спокоен, никаких «неустав-

ных отношений» Зина не допустит. Можно немного расслабиться и окунуться в простую семейную жизнь.

Валя

Наконец-то настал вечер пятницы. Прошедшая неделя выдалась тяжелой и нервной. Холода в этом году ударили очень рано, в самом начале зимы. Многие учителя заболели, мне пришлось отдуваться и за себя, и за коллег. И все это на фоне нервов, связанных с судьбой завода. Весь Сосновск затаил дыхание, удастся отстоять завод или нет. В сосновской церкви, которую построили по проекту Вадима, даже прошел молебен, на который собралось полгорода. Слава богу, все волнения в прошлом. Виталий Петрович с Пантелеем Ивановичем не подкачали.

Пятница, вечер – золотое время, впереди два дня отдыха, завтра надо будет только ненадолго съездить к Юрке на кружок, и все. Юрка задумал поставить с ребятами «Ромео и Джульетту». Вадим подготовил эскизы декораций и хочет показать их «артистам». Юрка – молодец. Чего он только не наворотил за последние годы, даже непонятно, как он все успевает. У нас с Вадимом успехи скромнее, вся наша жизнь сконцентрировалась на наших двойняшках. Я с улыбкой вспоминаю, что Вадим считал себя непригодным для семейной жизни. Не знаю, можно ли найти более заботливого отца и мужа. Сейчас наши непоседы уже спят. Сопят в своих кроватках. Я тоже решила лечь пораньше. Я сильно замерзла на вокзале. Дома, конечно, я попила горячего чая, надела

на себя три кофты, но все равно никак не могу согреться. Пришлось надеть самую теплую ночную рубашку, шерстяные носки и залезть под одеяло. Попробовала почитать, что-то не пошло. Я решила просто полежать и послушать дом. На улице началась самая настоящая метель, ветер завывает, а мы дома – в тепле. Хорошо. С Мишкой и тетей Зиной я уже поговорила, они тоже дома, у них все в порядке. Это тоже хорошо. Дети спят. Вадим сидит за столом, который он перенес в нашу спальню, чтобы работать рядом со мной. На столе – зеленая настольная лампа. Вадим готовит рисунки для детей. Каждый вечер я читаю детям сказки, а Вадим рисует иллюстрации. Потом дети выбирают наиболее понравившуюся картинку, и Вадим ночью рисует для них только контур, получается вроде раскраски. Днем дети раскрашивают картинки. У нас набралось уже несколько альбомов с иллюстрациями. Самое трудное для Вадима – нарисовать две одинаковые картинки. Если картинки получаются разными, дети ссорятся, кому какая. Никак не можем приучить их уступать друг другу.

Вадим потихонечку включил свой любимый французский шансон. Он даже подпевает, когда забывает, что надо стесняться. Я слышу, как Дассен поет Salut и, как всегда, прихожу в восторг от того, как он произносит окончание «лю», очень сексуально. У Вадима получается точно так же, а у меня – никак. Я себя утешаю, что поделаешь – родилась в Сосновске, а не в Париже. Все равно – очень обидно.

Наконец я дождалась: et si tu n'existais pas – если б не было тебя… Мне кажется, что Дассен поет про нас с Вадимом, про нашу любовь… Я вспоминаю, как мы гуляли с Вадимом по Парижу, мне кажется, что я парю в воздухе. Кажется, я засыпаю…

Юра

Я патологически ничего не успеваю и очень злюсь на себя за это. Вроде бы целый день занят, но количество дел не только не убывает, а почему-то прибывает. Такой вот парадокс. Пять с половиной лет назад в моей жизни неожиданно произошли совершенно невероятные изменения. Никогда не думал, что такое вообще может случиться, а уж тем более со мной. До невероятных событий я тихо жил в провинциальном Сосновске с моей мамой, матерью-одиночкой. В детстве больше всего на свете я, конечно, хотел иметь отца, самого умного, самого честного, самого сильного, отца, который всегда был бы готов прийти мне на помощь. На втором месте шли мечты о брате, с которым меня связывала бы настоящая мужская дружба. Но что есть, то есть. Я вырос, вполне смирился с действительностью и, можно сказать, был счастлив. И вдруг выяснилось, что у меня жив отец, более того, он всю жизнь мечтал заботиться обо мне, но не мог из-за негодяя – Недельского, который угрожал расправиться с моей матерью, если он признает меня своим сыном. И это не все. Выяснилось, что я потомок старинного рода Немчиновых, которые когда-то до революции жили в своем имении вблизи нашего города. Мой прапрадед вместе с семьей уехал в Париж после трагической гибели дочери Сони еще до революции. Род Немчиновых во Франции не заглох, ока-

залось, что у меня есть дядя, брат и сирота племянник. Его отец – мой старший брат – чуть более пяти лет назад был убит вместе со своей женой. Убит, потому что отказался сотрудничать с мошенниками, которые пытались завладеть наследством: его почти сто лет назад мой прапрадед завещал своему внебрачному сыну – моему прадеду, оставшемуся в России. В одночасье я оказался сказочно богат: у меня появились отец, брат, племянник и солидное состояние. Надо сказать, что мой прапрадед, Леонид Львович, был очень умным, дальновидным человеком. Он не тешил себя надеждами, что власть большевиков – явление сугубо временное, он предвидел, что двадцатый век будет ох как непрост, и не без основания предполагал, что его сын Федор сам вряд ли сможет воспользоваться наследством. Старый граф думал о нас, потомках Федора, поэтому основную часть наследства составили не деньги, которые могли обесцениться со временем, а артефакты, сыгравшие большую роль в истории рода Немчиновых, картины, старинные книги и антиквариат. Денежной частью наследства я распорядился очень просто. Я вложил деньги так, как посоветовали отец и дядя Виталя. Вложение оказалось весьма прибыльным, свой весьма неплохой доход я в основном трачу на школу, в которой работаю. По профессии я учитель истории, можно сказать, фанат своего дела, поэтому, когда в мои руки попали исторические артефакты, оставленные прапрадедом, у меня случился, как говорят мои ученики, вынос мозга. Самая ценная вещь – крест,

которым Иван Грозный наградил одного из моих предков за храбрость при взятии Казани. Подумать только, я – обладатель креста, который держал в руках Иван Грозный! Есть от чего помутиться разуму. Держать такую ценность у себя дома я считаю неправильным. Я обратился в Исторический музей в Москве, но там выставить крест в постоянной экспозиции музея отказались. Какой смысл передавать крест в музей, если он будет пылиться в запасниках? Тогда я пошел в наш сосновский краеведческий музей, там меня встретили на ура. Я решил передать в музей не только крест, но и антиквариат, завещанный мне прапрадедом. Конечно, первo-наперво я предложил разместить картины и антиквариат в усадьбе Немчиновых, но Вадим категорически отказался. Он считает, что усадьба – это дом для обычной жизни, а антиквариат, ценные картины и исторические ценности должны быть в музее. Руководство краеведческого музея во всем пошло мне навстречу, но, прежде чем нам удалось подготовить экспозицию, пришлось довольно долго возиться с реконструкцией помещения музея и усовершенствованием систем хранения экспонатов и безопасности. Мы сделали все по высшему классу, но мой отец настоятельно порекомендовал мне не выставлять настоящий крест, а заказать аутентичную копию. На это тоже ушли время и силы.

Мой погибший брат – Серж, так же, как и я, был историком. Так же, как и я, он интересовался историей древних, забытых цивилизаций. После смерти Сержа его отец, дядя Ви-

таля, передал мне архив брата, который я счел своим долгом разобрать. Для этого пришлось учить французский язык. Перед смертью Серж планировал организовать научную экспедицию на остров Пасхи. Мы с Вадимом и дядей Виталей решили, что наш долг – исполнить мечту Сержа. Путешествие, в которое мы пригласили друзей Сержа, оказалось чрезвычайно увлекательным. Мы сняли фильм, который показали и по российскому, и по французскому телевидению. В первых кадрах идут титры, где сообщается, что фильм снят в память об историках Серже и Луиз Немчиновых, которые мечтали разгадать тайны древних цивилизаций. Дядя Виталя посмотрел фильм молча и ничего не сказал, но я видел, что он очень доволен. Так в делах и суете пролетело почти шесть лет, а разбор старинных книг из коллекции Леонида Львовича я еще практически не начал. Откровенно говоря, меня это довольно сильно напрягает. Несколько раз я открывал книги, но моих знаний явно не хватает, чтобы оценить их значимость. Недавно я написал по мейлу профессору с кафедры древнерусской литературы филологического факультета и приложил фотографии первых страниц книг. Я удивился, но профессор ответил мне немедленно. Мы созвонились. Василий Васильевич всю жизнь искал список Жития святых, который оказался в коллекции прапрадеда. Мы договорились, что он приедет в Сосновск перед Новым годом, чтобы увидеть мечту жизни «книжного червя», как он выразился. Однако вчера вечером он мне перезвонил и попросил

разрешения на немедленный приезд его дочери Натальи Васильевны, кандидата филологических наук. Откладывать дело в долгий ящик ему не хотелось. Кандидатша должна прибыть сегодня. Василий Васильевич, конечно, просил устроить дочь в гостиницу. Но зачем это? Книги находятся в имении, во флигеле, в котором я живу уже пять лет. Отец с матерью обижаются, что я не хочу жить с ними, но мне как-то неудобно. Я привык, что мама одна, а тут она вдруг вышла замуж… Сначала мне казалось, что родителям надо дать время побыть друг с другом, а потом я как-то привык жить в усадьбе с дядей и семьей брата. Вчера я перебрался в гостевую комнату, а флигель решил отдать в распоряжение филологов.

Хорошо, что я послушался Вадима и купил себе Range Rover. Еще вчера вечером начал валить снег. Это не просто снегопад, а настоящая метель. Все улицы замело. Мой отец, мэр Сосновска, делает все возможное, чтобы очищать улицы от снега, но мощностей явно не хватает, поэтому даже на моем внедорожнике я с трудом подъехал к музею, где меня ждали ребята, которые занимаются в моем историческом кружке. Я оставил машину и двинул к музею. Рядом с музеем я увидел красную «Микру», которая намертво застряла в сугробе. Рядом с машиной суетилась странного вида девица – в легком пальто и сапогах на высоченных каблуках. «Явно блондинка», – подумал я. Я подошел к фифе и поинтересовался, могу ли я ей чем-то помочь. Она посмотрела на ме-

ня так, как будто я предложил ей заняться сексом прямо на улице, и гордо ответила отказом. Была бы честь предложена, я повернулся и пошел своей дорогой. И вдруг меня кольнуло: наверняка блондинка-фифа и есть филологиня, которая приехала изучать мои книги. Господи, зачем я предложил разместить ее в нашей усадьбе, пусть бы жила себе в гостинице. Чем дальше от меня, тем лучше. Мама воспитала меня вежливым человеком и опять же, «дворянские гены», поэтому пришлось обернуться и спросить: «А вы случайно не Наталья Васильевна будете?» Я понял, что до нее тоже дошло, кто я, поэтому она выдавила из себя даже подобие улыбки и милостиво разрешила вытащить ее «Микру» из сугроба. Я позвал ребят, и мы быстренько решили проблему. Для ребят потолкать машину, а заодно и друг друга – большая радость. Сразу отвезти фифу в имение я не мог, так как должен был позаниматься с детьми, у нас была намечена обширная программа. Пришлось пригласить фифу в музей. Когда она разделась, я увидел, что она, во-первых, никакая не блондинка, а темная шатенка, а во-вторых, что она натурально дрожит от холода. Пришлось поить ее горячим чаем и посадить рядом с обогревателем. Несмотря на принятые меры, что-то подсказывает мне, что она начнет знакомиться с моими книгами, лежа в постели с температурой под сорок.

На прошлом занятии я начал рассказывать ребятам об истории шифров. Тема эта для ребят весьма завлекательная, поэтому сегодня коробочка полна, пришли не только посто-

янные члены моего кружка, но и их друзья, которые раньше об исторических коллизиях не задумывались. Я продолжил рассказ, а потом предложил ребятам написать друг другу записки, пользуясь простейшим шифром, а затем расшифровать полученные послания. Все старались в поте лица, а когда дело дошло до расшифровки, поднялся настоящий гвалт. Ребята решили, что будут все вместе расшифровывать записки. Начались споры, смех. Шарики и ролики в головах ребят крутились на всю катушку. Я удивился, но фифа тоже приняла участие в обсуждении. Мы и не заметили, как пролетели полтора часа. Тут подъехали Вадим с женой – Валюшкой. Валюшку я знаю всю жизнь. Мы с ней сначала учились, а потом учительствовали в одной школе. Мне она всегда очень нравилась, я даже жениться на ней одно время хотел. Но Валюшка отказалась и, как я теперь понимаю, правильно сделала. Не было между нами того электричества, которое есть между ней и Вадимом. Мне даже завидно иногда, когда я вижу, как они выходят к завтраку, полные друг другом. У меня такой любви в жизни не было, но Вадим советует не отчаиваться. Он себя раньше считал абсолютно непригодным к семейной жизни, а теперь вот уже пять лет живет с любимой женой душа в душу, растит Сонечку и Сережу – очаровательных двойняшек.

Вадим довольно часто приезжает к нам на кружок с небольшой лекцией об архитектуре. Мы с ребятами хотим поставить «Ромео и Джульетту», отдельные сцены, конечно.

Вадим привез нам фотографии Вероны и немножко рассказал о городе и его архитектуре. Кроме фотографий Вадим привез еще наброски декораций к спектаклю. Ребята пришли в восторг – все, как в настоящем театре. Потом мы начали по ролям читать пьесу. Я видел, что фифа морщит нос. Наконец она не выдержала. Надо сказать, что поступила она тактично, ругать нас не стала. Просто взяла и прочитала отрывок так, что все замерли. Когда фифа закончила, ребята начали аплодировать, а мы с Вадимом и Валей их поддержали. Что значит талант! Филологиня доходчиво объяснила нам, что Шекспир хотел сказать нам в этой части пьесы. Ребята пригласили фифу заглядывать к нам на огонек, уж очень им хочется поразить всех спектаклем.

Наконец мы поехали домой. Валя как увидела, в каком пальтишке и на каких каблуках приехала фифа, так прямо в обморок упала. Разве можно у нас в таком виде выжить? Наташа засмущалась и объяснила, что не успела собраться перед отъездом, ей вещи должен привезти папа в следующие выходные. Оказалась, что машину она вела просто в домашних тапочках, так как переодеть сапоги на шпильках на нормальную обувь у нее времени перед отъездом не осталось. Все это было очень странно. Почему фифе надо было уезжать так срочно? Один-два дня ничего не решают. Спрашивать было неудобно, но очень любопытно. Какая-то эта Наташа вся странная и испуганная, что ли. Немножко оттаяла только, когда Валюшку увидела. У Валюшки глаз алмаз.

Она сразу поняла, что с фифой что-то не то, но в душу лезть не стала. Просто улыбнулась, сказала что-то там чисто женское, и вроде контакт наметился. Валя подтвердила мои опасения: она потрогала фифе лоб и вынесла вердикт – тридцать восемь и пять, никак не меньше. Мы засобирались домой. Микру оставили на охраняемой стоянке у музея, перегрузили Наташины вещи в мою машину и повезли ее домой. Я по дороге позвонил домой и обрисовал ситуацию. Позвонил я и матери, все-таки она врач, пусть осмотрит фифу, как -никак она гостья.

Наташа

Господи, как неудобно. Надо было просто уехать из Москвы и остановиться в каком-нибудь захолустье в гостинице и там в одиночестве зализывать раны. Это все папа, это он настоял, чтобы я ехала в Сосновск. Теперь я повисла камнем на шее у этих милых людей. Как неудобно, у них свои дела, а они вынуждены возиться со мной.

Я сбежала из Москвы, потому что мне было страшно, безумно страшно. Некогда было собираться, некогда одеваться в подходящую одежду, да и одежды-то по сути не было. Все осталось в квартире, где когда-то, в другой жизни, я жила с мужем. Мне казалось, сначала я все-таки любила его… или нет, я никогда не любила своего мужа. Вышла замуж, потому что этого хотела моя мать. Папа, как всегда, молчал, но явно не одобрял мой брак. Поначалу было все ничего, а потом муж превратился в животное. Позавчера он избил меня, схватил нож и довольно глубоко порезал мне руку. Как я только сумела убежать? До сих пор мне кажется, что Владислав гонится за мной. Как стыдно, у меня все тело в синяках, шею я замотала шарфом, но дома-то придется его размотать. Стыдно, очень стыдно. Очень стыдно, что я нагрубила Юрию Пантелеевичу, когда он предложил мне помочь с машиной. Какой он замечательный, как здорово работает с детьми. Но маме он бы точно не понравился – нет

лоска и по-французски, наверное, не говорит. В юности мне очень хотелось быть учительницей, но мама не разрешила. Почему я послушалась? Почему я все время делаю то, что она скажет? Я должна изменить свою жизнь. Мама сейчас в Париже и до Нового года не вернется. Папа обещал, что ничего ей не расскажет. У меня есть время все обдумать и решить, как жить дальше.

Я и не заметила, как мы подъехали к старинной усадьбе, оказавшейся жилым домом. Когда мы вошли, нас встретил седовласый господин, отрекомендовавшийся Виталием Петровичем Немчиновым, и двое карапузов, которые одновременно закричали:

– Ма, па! Мы в углу стоим, нас дедушка поставил, мы дрались, но мы больше не будем.

– Дедушка вас наказал, вот и просите у него прощения. – Валя оказалась строгой мамой. Дети умоляюще посмотрели на деда.

– Еще семь минут осталось, стойте, сколько раз уже давали слово не драться.

– Все из-за тебя! – одновременно сказали карапузы и стукнули друг друга.

– Сейчас папа еще добавит, – Вадим Витальевич постарался сделать голос строгим. Карапузы мгновенно исчезли. Правда, не успели мы раздеться, как раздался крик:

– Дедушка, а семь минут уже прошли?

– Нет, еще пять минут осталось. – Виталий Петрович за-

смеялся.

– Чего не поделили? – поинтересовался Вадим.

–Рекса рисовали, поспорили, у кого лучше вышло?

– Ну и кто лучше нарисовал?

– Трудно сказать, сам посмотри, рисунки в детской. Добро пожаловать в дом Немчиновых, – Виталий Петрович обратился ко мне. – Валюша отведет вас во флигель. Там тепло, и вам будет удобно. Юра звонил, рассказал, что вы больны. Анечка, его мама, – врач, приедет и осмотрит вас. Если у вас температура, то, вероятно, вам будет удобнее поужинать у себя в комнате.

Меня отвели во флигель. Боже мой, как здесь красиво и уютно. Валя сказала, что соседнюю комнату приготовили для папы. Скорей бы он приехал. Валя принесла мне теплую пижаму, халат и шерстяные носки. Неужели я все-таки куда-то приехала, могу раздеться, лечь и спать, спать…

Сквозь сон я почувствовала, что кто-то подошел к моей постели. Это оказались Валя и мама Юрия Пантелеевича – Анна Александровна. Она положила мне руку на лоб, и я почувствовала себя, как в детстве. Не знаю почему, но я заплакала.

– Девочка, ты вся горишь, не плачь, все хорошо, мы тебя в обиду не дадим. Подлечим, и будешь как новая, назло врагам. Ой-ей-ей. Кто ж так тебя? Если хочешь, я тебе официальную справку напишу про все твои синяки.

– Спасибо, у меня муж наркоман, это он меня избил, я еле

убежала. Соседи помогли, услышали мои крики и полицию вызвали. А полиция отвезла меня в травмпункт. Там все записали, я справку получила и на развод подала.

– Наташа, я гинеколог, тебе по этой части помощь не нужна?

– Нет, слава богу, секса у нас не было, вот только рану на руке посмотрите, пожалуйста.

Когда Анна Александровна развязала бинт, то я увидела, что началось воспаление, может, и температура у меня от этого поднялась. Анна Александровна только руками всплеснула и начала работать. Валя помогала. Что бы я делала, если бы оказалась одна в гостинице. Я заплакала еще сильнее.

– Все, все… Все уже прошло. – Анна Александровна поцеловала меня в лоб. – Теперь пить лекарства, кушать и спать. Завтра будет полегче. Главное, здесь ты в безопасности. Спи, девочка, – и я заснула.

Юра

Когда мама и Валя вышли от Наташи, я увидел, что они чем-то сильно встревожены, но как я ни пытался выяснить, что там такое произошло с моей гостьей, ничего у меня не получилось. Мама всегда строго соблюдает врачебную тайну.

За ужином Валюшка стала жаловаться, что на улице холодно. Как-то Мишка открыл глаза Вадиму, что окружающие вовсе не считают нас богатыми. Якобы Витька Пименов из Мишкиного класса много раз ему говорил, что или Вадим денег на Валюшку жалеет, или их у него не так уж и много. Во-первых, Валя скромно одевается, шуба у нее из мутона, и брюликами она не обвешивается, а во-вторых, ездит Валя на «Киа Рио», а не на БМВ. Вадим оскорбился до глубины души. Помню, он долго возмущался, как такое вообще кому-то могло прийти в голову. Может быть, кто-то считает, что он и для детей денег жалеет. На самом деле Вадим старается, чтобы у Валюшки все было по высшему классу. Сложность в том, что Валюшка не всегда чувствует себя комфортно в том, что по высшему классу.

– Валя, ты должна теплее одеваться, ты же говоришь, что шуба из мутона теплая, а из норки нет. Норковую ты не носишь, это я могу понять, но почему лисий полушубок в шкафу висит, мне совершенно не понятно, он же самый теп-

лый, – начал ворчать Вадим.

– Вадим, отстань, я хожу в том, в чем мне удобно. Мишка тебе голову Витькой Пименовым задурил. Вчера видела его мать. Кстати, если бы я одевалась так, как она, ты бы сразу со мной развелся и из дома выгнал.

За ужином дети были увлечены соревнованием, кто скорее съест салат. Жан-Пьер приготовил ребятам салат в форме елочек. Соня начала есть с верхушки, а Сережа – с основания. Естественно, что до середины елочки Соня добралась гораздо скорее Сережи и считала, что победа у нее уже в кармане, а тут… ветки у ее елки делались все больше и больше, а у Сережи, наоборот, – все меньше и меньше. Дети изо всех сил старались быстро есть, но, услышав про развод, остановились.

– Ма, па, что такое «разведешься»? Па, мы не дадим маму выгнать, мы дверь запрем и караулить будем.

– Дети, мама пошутила, я маму не выгоню, даже если она будет одеваться, как папуасы. – Двойняшки засмеялись, они только вчера вечером по телевизору видели папуасов и очень удивлялись, как им не холодно.

После ужина дети убежали смотреть мультики. За столом остались только взрослые. Я понял, что дядя Виталя приготовил какой-то сюрприз для нас. И действительно, он достал из конверта какие-то документы.

– Мы все раньше думали, что Леонид Львович решил признать Федора своим сыном только после смерти жены уже в

весьма преклонном возрасте. Некоторое время назад я разбирал документы и обнаружил, что это не так. Еще до отъезда в Париж граф подал прошение на высочайшее имя о признании Федора Полозкова его сыном и даровании ему дворянства. Рад вам сообщить, что еще в 1916 году просьба графа была удовлетворена. Так что, Анечка, ты – графиня. Мне показалось несправедливым, что Юра не может унаследовать титул, поэтому я взял на себя смелость исправить ситуацию. Я обратился в соответствующие инстанции и сегодня получил положительное решение. Не только для тебя, Юра, но и для Валечки.

– Ну что, графиня Анна, пустишь в дом раба божия Пантелейку или мне на коврике под дверью теперь спать? – Отец засмеялся.

– Как вести себя будешь, а то, смотри, на конюшню отправлю…

Отец сделал испуганное лицо.

– А можно от дворянства отказаться? – Вадим сегодня было явно не в духе. – Правда, за графиню Валентину я рад. Теперь есть что ответить мамаше Витьки Пименова.

Мы все засмеялись. Некоторое время назад мы все ездили на прием к Батищевым, большим друзьям Немчиновых еще по Франции и настоящим олигархам. Мужчинам предписывалось быть в смокингах, а женщинам – в вечерних платьях. Дядя Виталя как будто родился в смокинге, Мишка воспринимает смокинг как прикол, а для отца и нас с Вадимом смо-

кинг, конечно, лучше фрака, но все же трудно переносим. Валя же сразу предупредила, что платье с вырезом до пупа не наденет. Возникла проблема, ее помогла разрешить жена Анатоля Батищева – Надин. Она боготворит Валюшку. Несколько лет назад Батищевы привезли к нам детей на каникулы с большой просьбой к Валюшке подтянуть старшего сына по математике. В первый день пребывания детей у нас в усадьбе дым стоял коромыслом, а на второй – вдруг наступила тишина. Надин заволновалась, не заболели ли дети. Оказалось, Валентина начала рассказывать детям о шифрах, о математических законах, которыми пользуются дешифровщики. Потихоньку Валюшка перешла к школьной программе. Уезжали дети, влюбленные в математику. Позже Валюшка довольно часто давала уроки детям по скайпу. В результате о проблеме с математикой Надин забыла, а вот о благодарности Валюшке нет. Платье для Валюшки Надин подобрала великолепное. Правда, уже у Батищевых нам представили новых русских, которые действительно были из грязи в князи. Мадам – блондинка, видимо, от радости, что познакомилась с настоящими графьями, сейчас же стала предлагать Валюшке своего косметолога, якобы он может решить все кожные проблемы. Вадим не переносит, когда кто-то подвергает сомнению, что Валюшка лучше всех. Он сразу же заявил, что у Валюшки прекрасная, нежная, бархатистая кожа, поэтому косметологи ей ни к чему.

– А почему же Валентина Васильевна в таком закрытом

платье, сейчас же модно быть сексуальной. – Вадим аж поперхнулся. Выручил Мишка. Он заверил блондинку, что платье Вале подобрал знаменитый парижский стилист.

– И вообще, – нашелся Вадим, – Валентина Васильевна – графиня, титул обязывает, ей приходится одеваться сдержанно.

Наташа

Я проснулась поздно. Чувствовала я себя гораздо лучше. В доме было тихо-тихо. Я выглянула в окно. Какая красота! Перед домом была большая белая поляна, а дальше стояли припорошенные снегом сосны. Покой. Если бы не было так неудобно перед Юрием Пантелеевичем, лучшего места мне себе было не найти. Кушать очень хочется. Что делать? Неудобно в чужом доме пойти и попросить поесть. Надо потерпеть, еще полежать и поспать… Сквозь сон я услышала, что приоткрылась дверь, ко мне заглянула Анна Александровна.

– Проснулась, лягушка-путешественница, сейчас тебе завтрак принесут, ты лежи, болей. Температура вроде бы спала. В туалетной комнате для тебя все новое приготовили. Бери, не стесняйся. Юрка после обеда придет. Тогда он тебе и книги свои покажет.

Юрий Пантелеевич заглянул ко мне уже к вечеру. У меня опять поднялась температура, но я видела, что ему очень хочется показать мне книги, поэтому я встала и прошла с ним в кабинет. Я осторожно перебирала книги и вдруг не поверила своим глазам. Передо мной лежал список, который всю жизнь искал мой папа. Вот это да! Это же сенсация! Список считали утерянным уже лет сто. Я сейчас же позвонила папе. Оказалось, он взял на работе небольшой отпуск и уже едет

на вокзал. Как хорошо, я так соскучилась.

Я видела, что Юрию Пантелеевичу очень хочется показать мне свои «богатства», поэтому сама спросила, нет ли у него еще чего-то интересного. Сейчас же из сейфа появились фотография креста, который даровал Иван Грозный предку Немчиновых, копия донесения Меньшикова Петру о подвигах графа Немчинова под Полтавой, наградная шпага, подзорная труба и многочисленные фотографии семейства старого графа, признавшего прадеда Юрия Пантелеевича своим сыном и оставившего ему наследство.

Вдруг за дверью раздался топот и в комнату влетели карапузы.

– Дядя Юра, ты шпагу Наталь Васильне показывать будешь?

– Соня и Сережа, опять вы вошли без спроса. Как должны вести себя воспитанные дети? – глаза у Юрия Пантелеевича улыбались.

Дети выбежали из комнаты, закрыли за собой дверь, постучали. Раздался крик: «Дядя Юра, можно войти?». Не дожидаясь ответа, дети влетели в комнату, поздоровались и сразу же забрались на колени к Юрию Пантелеевичу. Шпага красовалась на столе. Даже у меня, уже взрослой девочки, екнуло сердце, когда я увидела шпагу, рукоять которой усыпана драгоценными камнями. Что же говорить о детях. Осторожно, одним пальчиком Соня дотронулась до острия шпаги и сразу отдернула руку.

– Бояка! – Сережа подержал палец на острие шпаги на секунду дольше.

– Сам бояка. – Соня показала Сереже язык и опять хотела дотронуться до шпаги, но Юрий Пантелеевич не позволил: «Раз ссоритесь, я шпагу сразу убираю».

– Дядя Юра, мы больше не будем, а крест ты Наталь Васильне показывать будешь?

– Нет, крест папа в банке в сейф положил, у меня только фотография.

– Ну тогда мы побежали, попросим папу привезти крест, ты, дядя Юра, тоже попроси, а то Наталь Васильне на фотографию смотреть неинтересно. – Дети убежали.

Юрий Пантелеевич рассказал мне историю своей семьи. Он узнал своего отца только пять лет назад. Меня очень заинтересовало, как складывались их отношения. Дело в том, что мои мама и папа, воспитавшие меня, мне неродные. Много лет назад я по своей глупости потерялась. Вроде бы мой родной папа был военным. Как я теперь понимаю, он был в командировке, а маму срочно отвезли в больницу. Я осталась с соседкой. Она решила отправить меня к моей тете в соседний город. Почему-то тетя за мной приехать не смогла, и меня отправили на автобусе вместе с каким-то знакомым соседки. Мне он показался очень страшным. Тем более что сразу предупредил, что если я буду себя плохо вести, он меня съест. Всю дорогу я только и думала, как от него убежать. Возможность представилась, когда водитель остановил

автобус в лесу, чтобы я могла сбегать в туалет. Как только я оказалась в лесу, я бросилась бежать и хорошенько спряталась. Меня долго искали, но я не отзывалась. Наконец автобус уехал, я вышла на дорогу и пошла в какую-то сторону. Шла я долго, по дороге споткнулась и упала в лужу. Села рядом и заплакала. Тут меня и нашли мои приемные родители: папа Вася и мама Люба. Вроде бы родители даже заезжали в милицию, чтобы сообщить, что нашли девочку, но, подозреваю, мама Люба договорилась с тамошним начальником, чтобы о находке в сводке не сообщали. Папа Вася до сих пор уверен, что все было по-честному и меня никто не искал, но я сильно сомневаюсь; мои настоящие родители меня любили. Год назад мама Люба, посмотрев передачу «Жди меня», со слезами отдала мне конверт с письмом, видимо, к моей тете, который много лет назад она нашла у меня в сумочке. К сожалению, на конверте практически ничего нельзя разобрать, так как конверт вместе со мной побывал в луже. Читаются только окончания, видимо, название улицы – «ва», номер дома – 28 и квартиры – 33. Я никогда никому не рассказывала свою историю, а тут почему-то взяла и рассказала Юрию Пантелеевичу. Еще я призналась, что сомневаюсь, стоит ли мне искать настоящих родителей. Меня вырастили чужие люди, я впитала их образ мыслей, их культуру, они стали мне родными. Я боюсь, что мои настоящие родители окажутся совершенно чужими мне по духу людьми.

– Что вы, вам обязательно надо найти родителей, во вся-

ком случае, попытаться это сделать. Представьте себе, что каждый вечер, ложась спать, ваши родители думают: где наша дочка, как она, не холодно ли ей, не голодно ли? В каком месте вас нашли?

Я заплакала. Я чувствовала себя очень одинокой, и от одной мысли, что меня кто-то любит и думает обо мне, у меня начали капать слезы.

– Одна из гипотез – меня везли к вам в Сосновск. Папа очень обрадовался, что у меня есть повод приехать сюда. Он тоже считает, что я должна заняться поиском родителей.

– Я вам помогу. – Юрий Пантелеевич очень отзывчивый человек.

Вдруг я заметила, что Юрий Пантелеевич смотрит на меня с ужасом. Пока я рассказывала свою историю, мне стало жарко, и я машинально распахнула ворот халата. Все мои синяки оказались на виду. Я поняла, что Юрий Пантелеевич их увидел. Мне стало очень стыдно, откровенно говоря, у меня началась настоящая истерика. Я плакала, кричала, чтобы меня оставили в покое, что я сию же минуту уеду, что я больше так не могу. Кончилось тем, что Юрий Пантелеевич сгреб меня в охапку, уложил в постель, напоил лекарством… в общем, я опять создала проблемы.

Спала я очень беспокойно, мне все время снились кошмары, во сне за мной гнался Владик с топором. Когда я в очередной раз проснулась, я увидела, что рядом с постелью сидит Юра.

–Что? Что, вам опять плохо? Вы так кричите. Здесь вы в безопасности. Все хорошо, все страшное позади, впереди – только хорошее.

Как же хорошее. Владька надругался надо мной, над моим телом, над моей душой. Ни один мужчина больше не захочет меня, я с ног до головы покрыта грязью, а мне так хочется иметь детей, так хочется иметь семью, где все будут любить друг друга. Вдруг я с удивлением услышала свой голос: «Юрий Пантелеевич, мне очень плохо, вы не могли бы полежать рядом со мной?»

Наступила пауза. Выходит, я настолько отвратительна, что даже на прямую просьбу получаю отказ. Я вся сжалась.

– Наташа, вы очень соблазнительная женщина, а я все-таки мужчина, мне очень трудно будет лежать рядом с вами просто так.

– Если хотите, то можете не просто так. Мне очень плохо, мне кажется, что я одна в целом мире…

То, что произошло дальше, привело меня в восторг и одновременно в недоумение. Неужели так бывает? Неужели это произошло со мной? Неужели мужчина может быть таким нежным и доставлять такое удовольствие? Мне не хотелось даже вспоминать, как у нас все было с Владиком. Я сказала себе, что сегодня ночью начала жизнь с чистого листа. Теперь я знаю, что такое быть счастливой. Жалко, что завтра придется уехать, я недостойна Юры и не могу обременять его своим присутствием.

– Когда ты разведешься, ты выйдешь за меня замуж? – вдруг спросил Юра. —Я, конечно, простой провинциальный учитель, но я не хочу, не могу отпустить тебя.

– Ты хочешь на мне жениться? Но ведь я грязная, Владька осквернил меня.

– Ты самая чистая на свете, и я люблю тебя. Спи, теперь ты под моей защитой.

Юра

Наверное, мне надо уже привыкнуть к тому, что со мной время от времени происходят чудеса. Не думал, не гадал, но сегодня ночью я нашел свою судьбу. Даже не хочу знать, какая Наташа – красивая или некрасивая, худая или полненькая, высокая или не очень, я точно знаю, что она моя, и никто другой мне не нужен. Страшно только одно – что я могу быть ей совсем не нужен.

Утром Наташа стеснялась выйти к завтраку, ей казалось, что все сразу поймут, что мы провели ночь вместе. Но все прошло замечательно, по-моему, никто ни о чем не догадался. После завтрака мы поехали встречать Василия Васильевича – папу Наташи. Валя выдала Наташе свой полушубок из чернобурки. Мех очень красит женщин, Наташа просто преобразилась.

Василий Васильевич оказался форменным Паганелем. Высокий, худой и немножко сутулый. Оказывается, у него на кафедре Василия Васильевича так и зовут – Паганель, так как он в добавок еще и очень рассеянный. За обедом он очень смешно рассказывал, что очень боялся, что по ошибке приедет не в Сосновск, а в какой-нибудь Березовск. Малыши пришли в восторг, а когда Василий Васильевич признался, что стихи «вместо шляпы на ходу он надел сковороду…» написаны про него, покатились со смеху.

Наконец настал момент, когда я привел Василия Васильевича в кабинет и показал ему книги. Наташа специально отложила список «на сладкое». Василий Васильевич перебирал книги осторожно, мне кажется, что, если бы он был один, он бы каждую из них погладил, прежде чем открыть.

– Просто невероятно, какое у вас богатство. Книги очень ценные и в прекрасном состоянии. Но где же она, та единственная, что я ищу всю жизнь?

– Папочка, вот она, я специально ее спрятала, а то бы ты на другие книги и не посмотрел.

– Нет, это просто невероятно, совершенно невероятно, неужели я не сплю?

Василий Васильевич сел в кресло, взял книгу в руки, открыл… и я понял, что окружающий мир перестал для него существовать. Мы с Наташей потихонечку вышли из комнаты.

Виталий Петрович

После ужина Василий Васильевич, Паганель, попросил меня уделить ему полчаса попозже вечером, когда все разойдутся по своим комнатам. Я с удовольствием дал согласие. Что может быть лучше приятной беседы с умным человеком на сон грядущий. Обычно я провожу вечера у себя в кабинете. Это мое любимейшее время. Я люблю обдумать все, что случилось за день, посмотреть Интернет, побеседовать по скайпу с моим другом Огюстом, живущим в Париже. Мы любим сопоставить русскую и французскую оценку политических новостей, на которые так богато наше время. Только сейчас, на старости лет, мы осознали, насколько сильно СМИ манипулируют нашим сознанием.

Я совершенно не ожидал того, о чем меня попросил Паганель. Оказывается, Наташин муж – наркоман. Он избил бедную девочку и сильно порезал ножом ей руку. Счастье, что соседи услышали Наташины крики и вызвали полицию. Паганель счел за благо отослать Наташу из Москвы и сейчас просит приютить ее на некоторое время. Он очень боится за дочь. С самого начала Василий Васильевич был против брака с Владом, так как однажды видел, как жестоко Влад обошелся с дворовой собакой. Однако жена Паганеля от Влада без ума. Он был ее самым любимым учеником. Немаловажную роль сыграло и то, что отец Влада, известный адвокат,

далеко не бедный человек. Для супруги Паганеля это значимо, она хочет, чтобы ее дочь жила в достатке. Влад красиво ухаживал за Наташей, других женихов не было, и это решило ее судьбу. Отец устроил Влада на теплое место, деньги потекли рекой. Деньги и погубили парня. История стара как мир. Слава богу, что мои дети избежали соблазна. Наташа ничего не рассказывала родителям о проблемах в своей семье. Все выяснилось несколько дней назад. Оказалось, что Влад поднял руку на Наташу не в первый раз. Первый раз он избил ее, когда она попыталась рассказать отцу Влада о его проблемах с наркотиками. Выяснилось, что уже полгода Наташа живет отдельно от Влада в квартире подруги, которая уехала за границу.

Я заверил Василия Васильевича, что Наташа и он могут полностью рассчитывать на наше гостеприимство. У нас Наташа в полной безопасности, слава богу, охрану имения Николай с Павлом организовали очень хорошо, денег на это мы не пожалели.

Сегодня утром Наташа с Юрой вышли к завтраку несколько смущенные. Я заметил, что это не укрылось от глаз Вадима и Валечки. Мы, конечно, не подали вида. Неужели? Неужели Юра наконец нашел свое счастье? Пантелей уже отчаялся дождаться внуков. Я ничего не сказал Паганелю, отношения Наташи и Юры – исключительно их личное дело, но я очень рад, что Наташа у нас задержится.

Николай

Никогда в жизни я не праздновал труса. С детства приучал себя не бояться темноты. Ни разу в жизни не свернул с дороги, если навстречу шли крутые пацаны, ни разу в жизни не побоялся оказаться лицом к лицу с преступником. А сейчас спекся. Впору валерьянку пить.

В молодости я был дураком, почему-то мне казалось, что настоящая жизнь может быть только за границей. Я потратил массу сил, чтобы после юридического оказаться во Франции в Интерполе. Очень быстро я понял, что заграничная жизнь не по мне, но дело было сделано, надо было тянуть лямку. Темноты без луча света не бывает, хотя этот самый луч не всегда легко рассмотреть. В Париже я познакомился со своей коллегой Мари – Манькой, как я ее зову. Познакомился и влюбился. Волею судеб почти шесть лет назад мы с Манькой оказались в Сосновске. А здесь, в Сосновске, луна оказалась в такой фазе, что мы все переженились: Валька с Вадимом, Валькина подруга Светка с Пашкой, моим корешем, и мы с Манькой. За пять прошедших лет мы все обзавелись потомством. У Вальки с Вадимом – двойняшки Соня и Сережа, у Пашки со Светкой двое сыновей, и Светка беременна третьим, а у меня – две девчонки. Я, конечно, супротив женского полу ничего не имею, тем более что моя Манька и девчонки сто очков вперед парням дадут, но мне без сына – никак.

Я поставил вопрос ребром и сказал Маньке: «Родишь еще девку – выгоню». Ну, она что… взяла под козырек, знает, кто в доме хозяин, и в самое ближайшее время у меня должен появиться пацан. Я уже дождаться никак не могу. Только просыпаться по ночам стал в холодном поту. Тогда, шесть лет назад, мы с Манькой взяли Недельского, убийцу и гада, отравившего жизнь многим хорошим людям. На суде, когда зачитали приговор, Недельский крикнул, что придет его час и он поквитается с каждым из нас.

Недавно выяснилось, что Недельский в колонии тяжело заболел и подал прошение об УДО, видите ли, лечиться ему надо. К нам с Пантелеем приходила Лариса Ивановна, просила, чтобы не мешали Недельскому УДО получить, божилась, что он в Сосновск ни ногой, якобы она ему уже клинику в Израиле нашла. Не верю я Недельскому! Я так прямо и сказал. Пантелей со мной согласился. Лариса стала на жалость давить, мол, у Недельского онкология, все равно скоро загнется, пусть в нормальных условиях, а не в колонии.

Мы с Пантелеем остались при своем мнении, но суд, как известно, у нас независимый. УДО Недельский получил. Я, естественно, послал человечка проследить за сидельцем. Он, действительно, из колонии двинул прямо в Шереметьево. Человечек удостоверился, что Недельский прошел паспортный контроль и отчалил. Вроде все хорошо, только в Израиль Недельский не прилетел, растворился по дороге. И это еще не все. Клюев ни с того ни с сего решил здоровье попра-

вить в столице и из Сосновска слинял. Вроде он ни при чем. Мы с Пантелеем за голову схватились, Пантелей все силовые структуры на уши поставил. В коттеджном поселке мы с Пашкой охрану тоже взбодрили, такие проверки устроили – охрана президента отдыхает. Только все равно на душе неспокойно.

Наташа

Я потихонечку пошла на поправку, мне кажется, не столько от лекарств, сколько от атмосферы доброты, разлитой в доме у Немчиновых. У меня стала оттаивать душа. Я сначала решила ничего не говорить папе про Юру, а потом как-то случайно проговорилась. Папа стесняется говорить со мной на тему моих отношений с противоположным полом. По-моему, он не ожидал от меня ничего такого, что я отчудила с Юрой. Папа очень деликатный, и он любит меня. Мой дорогой Паганель не сказал ни одного слова в осуждение, более того, признался, что Юра ему очень понравился. Если вдруг у нас что-то сложится, папа меня прикроет и возьмет на себя объяснения с мамой. Он даже не представляет себе, как я этому рада!

Папа за меня оформил отпуск на работе, поэтому я с удовольствием бездельничаю. Как маленькая, играю с Соней и Сережей. Вадим – прекрасный художник. Он так здорово рисует иллюстрации к сказкам. Вадим нарисовал фигурки сказочных персонажей, мы с ребятами их раскрасили, вырезали и приделали к палочкам. Получился почти кукольный театр. Чтобы получился настоящий кукольный театр, Вадим нарисовал декорации, Валя приготовила текст, и теперь Соня, Сережа и мы – взрослые – каждый вечер разыгрываем спектакли. Не знаю, как дети, а я в восторге.

Два раза Юра водил нас с папой в местный ресторан. Там почти каждый вечер поет сын первой жены Пантелея Ивановича – Митя. Митя в шутку называет себя Монтекки, а Юру – Капулетти, с намеком на существовавшую когда-то вражду между Ларисой Ивановной и Пантелеем Ивановичем. У Мити потрясающий голос. Совершенно непонятно, почему он поет в Сосновске в ресторане, а не в Ла Скала. Удивительно, но Митя всем доволен. Он счастлив, что живет с матерью и отцом, которых был лишен в детстве. Кто его отец, Митя узнал не без трудностей. Лариса Ивановна наложила табу на эту тему. Случайно среди бумаг матери он нашел старую афишу некогда модного певца, посещавшего Сосновск. Пристал к матери с ножом к горлу, пришлось Ларисе Ивановне сознаться. Митя не поленился – разыскал отца, вылечил от алкоголизма и привез в Сосновск. Теперь надеется, что родители вспомнят свою любовь.

Несколько раз мы с Юрой ходили в местный музей, там очень много всего интересного и даже загадочного. Один из залов музея посвящен истории рода Немчиновых, там я заметила, что некоторые экспонаты каждый день меняются местами. Юра говорит, что у него глаз замылен, поэтому он на такие вещи раньше внимания не обращал. Юра опросил охрану, уборщиц, как такое может быть. Никто ничего не знает. Прямо мистика! Я специально на телефон сфоткала расположение экспонатов вечером, а потом утром. Теперь имеется вещественное доказательство, что у меня не глюки.

Мы с Юрой решили как-нибудь пробраться в музей тайком и подежурить ночью. Надо вычислить барабашку.

Почти каждый день вечером, когда Юра приходит с работы, мы пытаемся найти дом, где может жить моя родная тетя. К сожалению, пока ничего не получается, но надежды мы не теряем, хотя уже обошли почти все улицы, которые заканчиваются на «ва». Мне очень нравится гулять с Юрой по Сосновску, город очень красивый. Часто идет снег, все кругом белое-белое. Вечером свет от фонарей становится неровным, снежинки кажутся огромными, совсем как в сказке.

Валя

Непросто быть женой талантливого, творческого человека. Вот уже две недели Вадим не может придумать архитектурную концепцию гостиницы, которую заказали его архитектурному бюро. Не складывается каменный цветок! Что в результате – раздражение на всех и вся, уныние и самобичевание. Как только мы уложили детей спать, он завел шарманку о том, что, наверное, «исписался» и уже не сможет придумать ничего стоящего. В общем, пора идти в управдомы. Меня от такого упадничества зло берет. У всех бывают неудачи. Ну посидишь немножко, покуксишься, зализешь раны, и вперед! Пришлось немножко поругаться, как же еще мотивировать человека. Вадим меня слушал, слушал, а потом полез целоваться, а потом… Мы женаты уже пять лет. По всем канонам нам давно пора охладеть друг к другу, но у нас это как-то не получается. Чувства свежи, только стали, может быть, более зрелыми. Виталий Петрович считает, что это абсолютно нормально, ненормально, когда интерес друг к другу со временем пропадает. Это значит, что живешь не со своей половиной, а с чужим человеком. Очень надеюсь, что мы с Вадимом пять лет назад сделали правильный выбор. Я, во всяком случае, о своем выборе не жалею.

Мы довольно быстро заснули, но когда я ночью проснулась, чтобы проверить детей, то увидела, что Вадим сидит

за компьютером и работает. Вадим утверждает, что рядом со мной ему легче думается. Обычно Вадим несколько раз сам ночью подходит к детям, а мне вставать не разрешает, так как рано утром я уезжаю в школу, а он может подольше поспать. Сейчас Вадим ничего не видел и не слышал, он полностью ушел в работу. Я только поцеловала его в макушку, он в ответ промычал что-то нечленораздельное. Когда я утром встала, Вадим все еще сидел за компьютером и работал. Я принесла ему завтрак и кофе, но при мне он к еде не притронулся. Когда я вечером вернулась с работы, Вадим все еще работал, но, как я поняла, вносил последние штрихи в эскиз гостиницы. Наконец он обратил внимание на то, что любимая жена уже дома, и пригласил меня к компьютеру. Я увидела «творение» и обалдела. Мне раньше казалось, что Вадим тяготеет к консервативному стилю. Ему очень хорошо удалась реконструкция центральной исторической части нашего города. Новые здания вроде бы были современными, но одновременно сохранили стиль, присущий архитектуре старого Сосновска. То, что я увидела сейчас, на первый взгляд, выглядело ультрасовременным сумбуром, но чем дольше я смотрела, тем более явно я ощущала красоту и гармонию этого сумбура.

– Что, совсем плохо? Тебе не нравится? Я сейчас все сотру.

– Я тебе дам, сотру. Сейчас как последую правилу Кольки Иванова и как наподдам! Вадим, ты гений! Просто нужно

время, чтобы почувствовать гармонию в этом хаосе.

– Но ты правда почувствовала гармонию? Я так старался. Вчера лег спать и во сне увидел, как все должно быть. Я очень испугался прямо во сне, что проснусь и все забуду. Но слава богу, не забыл. Как ты думаешь, можно показать эскиз ребятам из бюро? Мне очень хочется, только страшно, что им не понравится.

– Кому не понравится, тех выгонишь, – я засмеялась. – Коллеги у тебя отличные ребята, а если покритикуют, только лучше станешь.

Обсуждение предложения Вадима по скайпу заняло не меньше двух часов. Я, конечно, постоянно совершенствуюсь во французском, но знаний языка все же не хватает, поэтому мнение коллег Вадима я бы сформулировала как нечто среднее между «гениально» и «ну ты и сукин сын».

Юра

Декабрь пролетел очень быстро. Завтра Новый год. Сегодня у меня только три урока, я рано освободился в школе и прямиком направился домой. Сегодня вечером мы с Наташей решили подежурить в музее. Надо же узнать, кто у нас барабашка. Интересно, кому могло прийти в голову переставлять экспонаты? Зачем? Рациональное объяснение найти трудно.

На выходе из школы меня окликнула женщина, явно родившаяся не в Сосновске. После того как на ломаном русском языке она выяснила, что я Юрий, она быстро-быстро залопотала по-французски. Хорошо, что я чуть-чуть подучил язык и смог разобрать, что же она от меня хочет. Выяснилось, что она старая знакомая Вадима, когда-то она сильно провинилась перед ним, а сейчас очень хочет извиниться и возобновить знакомство. Меня она просила отвезти ее к Вадиму в имение, так как сама она не знает, как туда добраться. Я посадил француженку в машину, и мы поехали. Я как-то слышал, что артистам, для того чтобы иметь успех у публики, обязательно нужна сексуальность. Помню, что мне сделалось немножко смешно. Есть талант – имеешь успех, нет – освободи сцену. Что такое талант, из чего он состоит и сколько процентов должно быть сексуальности – кто же это может оценить. Сейчас же, когда я ехал рядом с француженкой

кой, я ощутил, что же это такое – изысканная, доведенная до совершенства, сексуальность. Вокруг нее вместе с ароматом духов разливалось, переливалось всеми цветами радуги поле притяжения. Мне казалось, что рядом со мной черная дыра, чуть-чуть приближусь к ней, и уже не выберусь, потону… Я мысленно перекрестился, когда, наконец, мы подъехали к дому. Я знаю, что люблю Наташу и хочу быть вместе с ней. Любовь моя чиста, а тут, честное слово, ведьма, которая может погубить.

К своей радости я увидел, что Мишель уже приехал. Он вместе с дядей Виталей, Вадимом, Валюшей и двойняшками возвращался с прогулки. Наташа шла чуть-чуть позади. У всех в руках было по музыкальному молотку: у двойняшек маленькие, у дяди Витали – большой, а у остальных – средние. Надо ли говорить, что все дурачились и старались стукнуть друг друга. Всем было весело. Мы с француженкой вошли в дом на несколько секунд позже остальных. Все повернулись на звук открывшейся двери и остолбенели. Другого слова я подобрать не могу. Первым пришел в себя Мишель, он подошел и плюнул француженке в лицо. Двойняшки с удивлением посмотрели на Мишеля и тоже плюнули. Вадим схватил детей за руки и приказным тоном велел Мишелю отвести их в детскую. Наташа поняла, что Мишелю очень не хочется уходить, поэтому она взяла двойняшек на себя и быстро увела.

– Жаклин, как ты посмела? Как ты посмела прийти в наш

дом? Я сейчас же сдам тебя полиции. – Вадим был бледен, он судорожно прижал к себе Валю.

Я в ужасе понял, что я привез в дом бывшую невесту Вадима, которая была косвенно виновна в гибели его родного брата. Реакция Мишеля мне стала абсолютно понятна.

– Вадим, я приехала, потому что мне очень плохо, мне нужна твоя помощь. Мы же не совсем чужие люди. В смерти Сержа я не виновата. Я приехала извиниться перед Валей за то, что я пыталась заказать ее. Я же хотела выйти за тебя замуж, Вадим, а Валя мне мешала. Что мне было делать? Я могла бы стать твоей женой, только если бы Валя умерла. Я хотела, чтобы все было красиво, мне совсем не понравилось, что этот ужасный человек хотел сбросить на нее бревна. Я бы никогда не призналась, что заказала Валю, если бы не эта ужасная женщина-полицейский Мари, вот у кого нет сердца. Меня бросил муж, мне плохо, я приехала, потому что ты добрый, и ты должен помочь мне…

Мы много раз обсуждали события беспокойного лета, которое круто изменило жизнь каждого из нас, но я никогда не слышал, что Жаклин пыталась организовать убийство Вали. Судя по реакции Мишеля, он тоже ничего не знал. Слушать Жаклин было страшно, она была даже не ведьмой и не змеей, она была духовным дебилом, дауном. Мне было безумно стыдно, что из-за меня Жаклин снова появилась в доме Немчиновых. Я вызвался немедленно отвезти ее в Сосновск. Вадим не разрешил. Он позвонил своему помощнику Иго-

рю, который когда-то был любовником Жаклин, и попросил его срочно приехать.

Пока мы ждали Игоря, Вадим показал нам документ, подписанный Жаклин и заверенный консулом Французской Республики, в котором она признавалась в попытке организации убийства Вали и обязалась даже близко не подходить к дому Немчиновых. Валя рассказала нам, что это Вадим спас ее от неминуемой смерти, так как на то место в овраге, где она собирала малину, Семен, работавший в усадьбе у Вадима, столкнул бревна, сложенные у края оврага.

Игорь

В последние годы я твердо уверился, что, встретив Вадима, я вытянул счастливый билет. Денег у меня по потребности, девочек тоже. Работа непыльная. С Пашкой мы свели наши отношения к минимуму. Он передает мне поручения Вадима, я их исполняю и докладываю об исполнении. И все. Раз только вышла почти ссора, которая окончилась моей безоговорочной победой. Все-таки я уже долго работаю с Вадимом и кое-чему научился. Бывает, в голове всплывает и то, что в институте долбили. Раз вижу – явный ляп, неправильно освещение территории размечено. Я Пашке доложил, а он – делай, как в проекте. Я заартачился, кто он такой, чтобы решать, как делать. Его дело по инстанции доложить. То же мне, профессор с образованием в три класса. Смерд, одним словом! Вызвали Вадима. Он приехал и, конечно, со мной согласился. С одной стороны, я обрадовался, вроде чего-то могу, а с другой стороны – притух. Вадим дал мне задание самому продумать, как организовать освещение. Пашка, жук навозный, ухмыльнулся, нулем меня считает. Пришлось несколько дней вечером дома за компьютером посидеть. Девчонки весь телефон оборвали. Соскучились! Зато Вадим почти со всем в моем проекте согласился, только немного поправил. Пашке – наука. Знай свое место.

После женитьбы Вадим очень изменился, стал намного

увереннее в себе. Чувствуется, что человек счастлив. Глядя на него, иногда даже мне, убежденному холостяку, нет-нет да и приходит в голову мысль: не пора ли жениться. Жена, обустроенный быт и пара любовниц… Есть о чем подумать. Не только у Вадима, у всех кругом жизнь как-то обустроилась, даже у Пашки, хотя Светка ему явно по ошибке досталась. Слишком хороша, причем после рождения каждого спиногрыза явно краше становится. Вроде как она третьим парнем беременна. Пашка кому-то хвастался, а я подслушал. Чур меня! Каждому свое, я на такое не подписываюсь. Иванова я понимаю, двоих девок родил, ясное дело, будет детей строгать, пока парня не родит.

Жаклин я выкинул из головы давным-давно. На меня просто столбняк нашел, когда мне позвонил Вадим и попросил срочно приехать, чтобы забрать Жаклин и препроводить ее домой в Париж. Это ж надо додуматься – заявиться к Вадиму на бедность клянчить. Вряд ли Вадим раскошелится. Как пить дать, ко мне пристанет. Ну уж нет, больше она от меня ни копейки не получит. Сама во всем виновата.

Как я и предполагал, Немчиновы Жаклин явно не обрадовались. Дальше прихожей не пустили. Посмотрел я на дуру и ужаснулся. Хорошо, что я в свое время ноги унес. Старая вобла, иначе не скажешь. С Валентиной – то уж точно не сравнить. Жаклин, как меня увидела, так сразу ругаться начала, какой я подлец, что ее бросил. Все ее беды из-за меня, потому как я на ней не женился. Она такая добрая, даже бы-

ла согласна жить от меня отдельно в Париже, на мои деньги, естественно. Она для меня все, а я ей ничего. Вот теперь ее еще и муж бросил, так как она детей рожать не хочет. Кошмарный ужас! Пока я ее к машине от Немчиновых тащил, верещала на всю усадьбу. Пришлось ей снега в лицо кинуть, чтобы она хоть на минуту заткнулась.

По дороге к машине нас обогнал сын Пантелея – Юрка-олигарх с какой-то девицей. Девица ничего такая, миленькая. Они куда-то погулять собрались, а потом в музей. Спрашивается, чего в музее под Новый год делать? У Юрки точно с мозгами проблема. Жаклин неисправима, видит, что Юрка с девицей, а ей по фигу, сразу к Юрке клеиться начала. Юрка скорее свою девицу в машину затолкал и дал деру.

Я повез Жаклин в гостиницу. Чего откладывать, вещи заберем и сразу в Москву, а оттуда в Париж. Пожалуй, я не прочь туда прошвырнуться и развеяться. Да, определенно ситуация складывается для меня не так уж и плохо. Жаклин успокоилась и стала клеиться ко мне. Страшная она, конечно, но ничего, ночью незаметно. В предвкушении удовольствия я открыл дверь в номер Жаклин и замер. В кресле перед дверью сидел Недельский. В руках он держал пистолет, который был направлен на меня.

Юра

Мне очень хочется помочь Наташе найти ее биологических родителей, но с каждым днем надежда тает. Мы взяли карту и последовательно обошли все улицы, названия которых заканчиваются на «ва». Каждый раз мы очень надеялись, но всюду нас ждало разочарование: или на улице не было дома 28, или в квартире 33 жили люди, которые ничего не слышали о потерявшейся когда-то девочке. Несколько дней назад я впервые рассказал родителям историю Наташи. Мама задумалась и вроде вспомнила, что много лет назад слышала историю о не доехавшей в Сосновск девочке. От кого, когда – у мамы из памяти стерлось, а вот сам факт она вспомнила. Это нас сильно обнадежило. Отец посоветовал нам проверить еще Никольскую улицу. Мы удивились, ведь на конверте вроде ясно видно, что название улицы оканчивается на «ва». Отец засмеялся:

– Что же ты за историк? Неужели не знаешь, что это после перестройки Никольская опять стала Никольской, а при социализме Никольская преспокойно была улицей Сверлова.

Никольская расположена совсем близко от музея. Мы решили сначала проверить дом 28, а потом музейного барабашку. К сожалению, в квартире 33 дверь нам не открыли. Конечно, Наташина тетя уже десять раз могла переехать, но уйти просто так было неправильно. Я позвонил в соседнюю

квартиру. Там, даже не спросив, кто, сразу открыли дверь. Правда, открывшая дверь женщина тут же исправилась.

– Ой, а вы к кому? Я думала, это соседка, Марго, а тут вы, какая я все-таки несобранная, так и воров впустить можно.

– А мы как раз к вашей соседке, хотели узнать, когда она будет.

– Так скоро будет. К ней сестра с мужем приехала, в магазин вышли за продуктами. А вы кем Марго будете? Она мне про вас ничего не говорила.

Во время моего разговора с женщиной Наташа пряталась за моей спиной. Я очень хорошо ее понимаю. Очень страшно не найти родителей и не менее страшно найти. Я сразу вспомнил себя перед первой встречей с отцом…

– Мы вот с Наташей пришли… – я немного отодвинулся, чтобы соседка увидела Наташу. Женщина пригляделась и вдруг закрыла рот руками.

– Наташа? Вылитая Верка. Неужели Верка дождалась? Все глаза выплакала. Все передачи «Жди меня» смотрит, все надеется, что дочь ее разыскивать станет. – Женщина кинулась звонить во все двери с криком «Наташа нашлась!».

В это время на площадку подъехал лифт. Из него вышли две женщины и статный мужчина в штатском, но с явной военной выправкой. Он нес две большие сумки с продуктами. Наташа судорожно схватила меня за руку. Как в замедленной съемке, я увидел, как Наташа набрала в легкие воздух и тихо выдохнула:

– Мама, папа!

Все обернулись, потом одна из женщин стала медленно оседать на пол. Мужчина еле успел поставить сумки на пол и подхватить женщину. Наташа стояла, вцепившись в мою руку, потом сделала небольшой шаг вперед, а потом бегом побежала к матери. Женщина тоже рванулась навстречу. Наташин отец обнял их обеих. Вся площадка наполнилась людьми. Все женщины, конечно, едва успевали утирать слезы. У меня сердце наполнилось счастьем. Как хорошо все-таки жить на этом свете!

Когда суматоха немного улеглась, все уселись за большой стол в квартире Маргариты Ивановны. Вера Ивановна, Наташина мама, не выпускала Наташину руку. Страх потерять дочь, наверное, останется с ней навсегда. Наташин отец оказался Героем России, легендарным генералом Северным, побывавшим почти во всех горячих точках. По состоянию здоровья он только что вышел в отставку и приехал в Сосновск осмотреться, нельзя ли здесь осесть вблизи от родной сестры жены. Интересно, что зовут генерала так же, как Паганеля, – Василием Васильевичем.

За столом все говорили одновременно, но генерал быстро навел порядок:

– Отставить бардак! Говорить будем по очереди. Наташка, рассказывай, как нас нашла, почему раньше не объявилась.

Наташа достала из сумки конверт и показала всем то, что осталось от адреса:

– Это – чудо, что мы вас нашли. Я уже побывала в двух городах вблизи дороги, на которой меня нашли. Там ничего. В этом году приехала в Сосновск. Мы с Юрой искали улицы, название которых оканчивается на «ва», а у вас Никольская. Это Юрин папа вспомнил, что она раньше была улица Свердлова. Мы весь город обошли, я уже решила, что не судьба мне родителей найти. – Почему-то все посмотрели на меня. Маргарита Ивановна спросила:

– А вы не Юра, который олига… извините, вы не сын Пантелея Ивановича и Ани Кругловой из гинекологии? – Я кивнул. – Я вас маленьким помню. Помню, как Аня вела вас на елку в Дом культуры. Я там работала. Смотрю, в переулке Пантелей стоит, в телогрейке, кепку на лоб надвинул. Видно, не хотел, чтобы его узнали. Аня Пантелея увидела, вас крепче за руку взяла и пошла быстрее, почти побежала, а на глазах слезы… Тоже горя хлебнула, не дай бог.

– Наташка, Юра – это муж твой?

– Папа, пока еще не муж, мне сначала развестись надо, я по молодости и дурости замуж за негодяя вышла, а Юру я люблю, очень.

Дальше Вера Ивановна рассказала, почему малышка Наташа осталась дома одна. Генерал был в очередной горячей точке, а у нее на нервной почве начались преждевременные роды, и ее увезли в больницу. Сейчас у Наташи есть два родных брата, один, как отец, военный, а второй, как мать, – врач.

Всех, конечно, интересовало, как случилось, что Наташа потерялась. Наташа немного стыдилась за себя маленькую, но рассказала все без утайки. Все заахали, что Наташа могла по-настоящему потеряться. Это счастье, что ее нашли в лесу, только непонятно, почему милиция бездействовала. Наташа точно помнит, что по дороге ее приемные родители заезжали в отделение милиции, и Паганель написал заявление. Правда, в милиции Наташа опять испугалась, что ее там оставят, разревелась и стала цепляться за нашедших ее людей. Паганель по дороге рассказывал интересные сказки, а мама Люба дала попить и поесть что-то вкусное.

Не исключено, что Паганель неправильно указал фамилию Наташи. Наташа точно помнит, что на вопрос Паганеля, как ее зовут, она ответила:

– Наташа Северная.

Тогда Паганель спросил:

– Точно Северная, а может, Южная? – Вот тут-то Наташа и запуталась.

– Видишь, Наташка, до чего трусость довести может? Ну ничего, теперь я из тебя самую смелую сделаю. Долго мы жили в разлуке, но ничего, теперь наверстаем. Я генерал и атеист… был… до сегодняшнего дня. Сейчас точно знаю, что это Бог так про нас решил. Ты смотри, какая красавица выросла, кандидат филологических наук, в хороших условиях росла, а с нами – по гарнизонам бы моталась. Знай, Наташка, мать ни одной минуты не верила, что тебя нет на свете, все

ждала, ждала и дождалась. Спасибо тебе, Юрий, что помог нам. Вера, надо Ивану позвонить, он сколько лет простить себе не может, что тебя, Наташка, не довез. У него ведь тогда инфаркт случился.

Вера Ивановна взяла телефон. Мы с Наташей тоже потянулись за мобильниками, надо же сообщить новость нашим, но карманы оказались пустыми. Из-за Жаклин мы вылетели из дома сломя голову и забыли телефоны дома.

Игорь

Встреча с Недельским, тем более с его пистолетом, совершенно точно в мои планы не входила. Погибать… и из-за кого? Из-за дешевки Жаклин? Ну уж нет! Я схватил Жаклин и загородился ею. Она заверещала.

– Тихо, а то сейчас как стрельну. Пожить-то еще хочется? Тогда молчать. Ну ты, Игорек, настоящий жентльмен, сразу даму вперед. – Мерзавец Недельский засмеялся.

– Не тебя я ждал, Игорек, не тебя. Дура французская, я же тебе объяснил, что у Игорька деньги есть, конечно, но с твоими способностями промотаешь на раз. Другое дело – Юрка, брат Вадима, вернее, не брат, а седьмая вода на киселе. Неужели квалификацию потеряла, не смогла мужика окрутить, чтобы он за счастье посчитал с тобой в одной кровати оказаться? Я же тебе велел Юрку сюда привести. Я б нашел способ заставить его с тобой денежками поделиться.

Жаклин стала уверять Недельского, что она сделала все, что могла, и почти окрутила Юрку. Юра, мол, очень хотел отвезти ее в гостиницу, но Вадим не позволил. Про то, что у Юрки теперь вроде как невеста есть, Жаклин даже не обмолвилась. Уверен, Юркину девицу она в расчет просто не взяла.

У меня отлегло от сердца. Со мной разбираться Недельский вроде не намерен. Его интересует только Юрка. Недель-

ский устроил нам допрос с пристрастием, куда Юрка мог направиться в Сосновске. Жаклин сдала с потрохами все, что знала. Узнав, что Юрка вроде бы собирался вечером в музей, Недельский явно обрадовался. Он медленно встал и направился на выход. Я вздохнул с облегчением. Неужели пронесло! Но не тут-то было. Недельский отобрал у нас мобилы, перерезал провод стационарного телефона и перед тем, как выйти из номера, повесил на дверь какую-то штуковину, у которой замигали лампочки, когда Недельский захлопнул за собой дверь. Десятью секундами раньше он предупредил нас, что штуковина – это не просто штуковина, а адская машинка, которая разнесет нас к чертовой матери, если мы вздумаем выйти из номера. Жаклин, ясное дело, забралась на постель и стала верещать. Я постарался отключиться от ее визга и начал искать выход из тупиковой ситуации. Не погибать же здесь на самом деле, можно сказать, в самом расцвете лет.

Первым делом я вышел на балкон. Обычно в кино супергерои перелезают со своего балкона на соседний. Но я же не павиан, вариант с перелезанием на соседний балкон отпал сразу и полностью, как только я посмотрел вниз. Между нашим и соседскими балконами есть двери, но они заперты на огромные амбарные замки. Чем мне перепилить дужку? Пилочкой для ногтей Жаклин? Перспектива попахивает безнадегой. Я выглянул из окна, может быть, можно позвать на помощь? Во дворе гостиницы не было ни одной живой ду-

ши. Что делать? Адская машинка может взорваться каждую минуту. Я заставил себя собраться с мыслями, огляделся вокруг. Провод от стационарного телефона Недельский просто перерезал. А что если я смогу соединить провода? Нужны ножницы. У Жаклин совершенно отшибло мозги, если они у этой дуры когда-то были. По-русски и по-французски спрашиваю, есть ли ножницы, а она только верещит. Я взял сумку Жаклин и высыпал все из нее на стол. Вот они, мои дорогие. Я схватил ножницы, зачистил провода с обеих концов и соединил. В телефоне раздался гудок. «Ай да я, ай да сукин сын!» Телефон Пантелея для экстренных случаев жизнь заставила меня вызубрить наизусть. Пантелей ответил сразу, через десять минут нас уже везли к Немчиновым, могли бы и через пять, но Жаклин надо было собраться. Я, естественно, ждал Жаклин на улице подальше от гостиницы.

Валя

Какой сегодня страшный день. Сначала появилась Жаклин. Вадим очень расстроился. Он как чувствовал, что вслед за ней появится целая цепь несчастий. Детей Вадим даже на улицу гулять не выпустил. Мишка тоже остался дома, по-моему, он решил, что без него нас некому защитить. Я слышала, что он позвонил Танечке и настоятельно порекомендовал ей не выходить из дома. Мишка стал совсем взрослым и ответственным. Жизнь научила. Боюсь, что скоро женится, без Тани никуда. Вадим об этом даже слышать не хочет, считает, что рано. Конечно, рано, но его старший брат Серж встретил свою Луиз тоже в весьма нежном возрасте. Немчиновы – они такие, уж если полюбят, то навсегда.

Каково было наше удивление, когда часа через два Колька привез к нам назад Жаклин и Игоря. Все бы ничего, только Колька привез страшную весть – Недельский в городе.

Виталий Петрович весь подобрался и вызвался допросить Жаклин и Игоря. Разговаривал он с ними по отдельности. Оказывается, Недельский увидел Жаклин в Шереметьево. Он отменил свой вылет в Израиль и сопроводил ее в Сосновск. По дороге Недельский ввел Жаклин в курс дела. К Вадиму лучше не соваться, он женат и никого кроме Вали знать не хочет. Шанс Жаклин – это брат Вадима – миллионер Юрий. Недельский был настолько любезен, что рас-

сказал Жаклин, как найти Юрия. До Сосновска Недельский не доехал, вышел на каком-то полустанке. Игорь мало что мог добавить. Он практически ничего не знал: проводил Жаклин в ее номер, увидел Недельского, дальше шел рассказ о его геройском поведении, позволившим им с Жаклин спастись. Только в самом конце Игорь сподобился упомянуть, что Недельский интересовался Юркой, и вроде как Жаклин намекнула Недельскому, что Юрка вечером собирается в музей. Виталий Петрович сразу же позвонил Пантелею Ивановичу. Мы с Вадимом стали звонить Юрке и Наташе. Очень скоро выяснилось, что, как в плохом детективе, Юра и Наташа из-за спешки оставили свои мобильники дома.

Мы знали, что музей и весь близлежащий район оцепили. Паганель, Пантелей Иванович и Анна Александровна дежурят у музейного входа. Все равно было очень страшно. Час шел за часом, вестей от Юрки не было.

Юра

Соседи потихоньку стали расходится. Люди поняли, что Наташе и ее родителям надо дать время побыть вместе без свидетелей. Мы с Маргаритой Ивановной пошли на кухню. Ее сильно интересовали все кульбиты, произошедшие со мной и мамой в последнее время. Она успевала готовить ужин, говорить и слушать, все одновременно. Она очень посмеялась над историей про барабашку, которая завелась у нас в музее, и вызвалась сопроводить нас в музее после ужина.

В музей мы пошли все вместе. Я удивился, когда генерал взял с собой пистолет, а Вера Ивановна саквояж с медикаментами.

– Не удивляйся, зятек. Я почему выжил, а в какие только передряги не попадал? Выжил я потому, что у меня чутье звериное, чую опасность. Верка подтвердит. И сейчас что-то сердце неспокойно. Береженого бог бережет. Пойдете с Наташкой под охраной.

От Никольской до музея два шага. Можно сказать, как только мы вышли из дома, я сразу увидел маму, отца и Паганеля. Они стояли у входа в музей, который окружил ОМОН.

– Вот тебе и неприятности, не подвело чутье. – Генерал оценил обстановку.

Родители и Паганель кинулись к нам. Все разом начали

ругать нас с Наташей за то, что мы ушли без мобильников. В городе объявлена тревога, так как появился Недельский. Мало того, что он появился, он разыскивает именно меня, причем рядом с музеем. Мы с Наташей повинились, и Наташа представила всем своих родителей. Для Паганеля это был гром среди ясного неба.

– Генерал Северный, как же я не догадался. Когда мы нашли Наташу, она говорила, что она Наташа Северная, но я почему-то решил, что она откуда-то с Севера, хотя в заявлении, которое оставил в милиции, указал, как себя называет девочка. Почему же вас не нашли?

– Что теперь говорить. Спасибо вам за дочь. – Вера Ивановна обняла Паганеля и заплакала. – Так жизнь сложилась, что у Наташи две мамы и два папы. Теперь вместе с вами будем внуков ждать.

Как и все мужчины, генерал, видимо, не переносит женских слез, поэтому отдал четкую команду:

– Верка, отставить реветь. Следуем по заранее намеченному маршруту.

Мы пошли в музей. Музейная охрана рты пооткрывала, когда увидела нашу команду. Не каждый день с Героем России и мэром родного города пообщаться приходится. Генерал поставил охрану по стойке смирно:

– Кто экспонаты в музее перемещает, кто барабашкой служит? Отвечать по уставу.

– Товарищ генерал, мы это, ведь никакого урона, просто

для смеха.

– Так, для смеха? Кто надоумил, кто деньги заплатил?

– Так приходил один, из клюевской охраны, кореш наш, мы с ним раньше служили. По тысяче за перестановку давал, а у нас дети малые…

– С вами все ясно. Не знаю, что на гражданке с такими делают, в армии – десять нарядов вне очереди вам было бы обеспечено.

– Виноваты, товарищ генерал. Товарищ генерал, Пантелей Иванович, давайте вместе сфоткаемся, никто ведь не поверит, что Вы к нам приходили и с нами разговаривали.

Генерал не возражал. Охранник врубил освещение во всем музее. Все встали. Я вызвался снимать, хотел уже нажать на кнопку, но в это время раздался грохот, погас свет и повалил дым. Я понял, что что-то случилось как раз в немчиновском зале. Я несколько лет работал над выставленной там экспозицией. Хорошо, что по совету отца там были выставлены одни копии. Я убедился, что с Наташей все в порядке, и кинулся в зал.

– Назад, всем оставаться на местах, – отдал команду Генерал. – У вас есть подвал? Всем следовать туда. Юрий, покажи дорогу.

– Не лучше ли выйти на улицу? – спросил отец.

– А вдруг там снайпер? Всех по одному перебьет. Пусть ОМОН окружающие дома зачистит, тогда и выйдем.

Наконец нам разрешили выйти из музея. Выяснилось, что

в немчиновском зале взорвалась небольшая бомба. Слава богу, само здание музея не пострадало, только экспонаты, но их я потихонечку восстановлю, а с ремонтом Вадим поможет.

Когда мы вышли, я увидел, что вокруг здания музея собралась толпа людей. Ко мне кинулся Монтекки:

– Живой? Что так долго не выходили? Я уже и не чаял, боялся, что от вас только кусочки остались. Я же тебя за брата держу. – Я, можно сказать, даже растрогался и обнял Монтекки. Лариса Ивановна вела себя сдержаннее, но даже с мамой поздоровалась.

Под присмотром генерала мы поехали к нам домой, в усадьбу. Дом огромный, места на всех хватит. К сожалению, дорога домой не обошлась без происшествий. Мы уже повернули к нам, когда наткнулись на несколько поваленных деревьев, перегородивших шоссе. Отец сразу же вызвал дорожных рабочих с техникой, но госпожа Судьба распорядилась так, что ждать, пока приедут рабочие, мы не могли. Маме в совершенной панике позвонила Пахомовна – Маня рожает, а скорая в поселок не может подъехать, на подъезде к поселку тоже завал из деревьев. Мама велела доставить Маню в усадьбу, а Валюшке по телефону дала указания, что приготовить. Мы сначала решили идти пешком, но с той стороны на огромной скорости примчался Вадим. Он усадил в машину женщин и генерала и помчался домой. Генерал опять начал ворчать насчет снайпера, но, слава богу, его не оказалось.

Вадим без каких-либо приключений сделал еще одну ездку и забрал нас с отцом.

Валя

Слава богу, Юрка и Наташа объявились живыми и здоровыми. Более того, Наташа нашла своих биологических родителей. Они искали ее всю свою жизнь. Жан-Пьер с Мадлен сразу засуетились, надо встретить гостей по высшему разряду. Мы с Вадимом уложили детей, сегодня им пришлось лечь спать без игр с тетей Наташей. Хорошо, что дети быстро заснули. Очень быстро нам стало не до них. Позвонила Анна Александровна, Маня рожает, скорая приехать не может, на дороге в усадьбу и в поселок завал из деревьев. Сейчас Глеб Николаевич везет Маню и все свое семейство к нам, Маня будет рожать у нас. Надо быстро все приготовить, лучше на кухне, горячая вода рядом. Вадим мгновенно сорвался и поехал к завалу забрать Анну Александровну. Мы с Мадлен стали судорожно готовиться к Манечкиным родам. Уже по дороге к нам в машине у Манечки сошли воды. Ребенок мог появиться на свет каждую минуту. Мы с Пахомовной уже приготовились принимать роды сами. Хорошо, что Анна Александровна и Вера Ивановна, Наташина мама, тоже врач, появились вовремя. Я удивилась, насколько слаженно работали женщины. Ведь познакомились меньше часа назад. Что значит опыт!

Моей помощи в «родовой» больше не требовалось. В помощь врачам остались Пахомовна и Маргарита Ивановна,

когда-то в молодости она работала в роддоме санитаркой. Ей помогать при родах было не впервой. Я пошла готовить комнаты для Манечки и всех гостей. Наташа взяла на себя маленьких дочерей Кольки – Катюшу и Шуру. Я готовила комнаты, а сама все время ждала, не раздастся ли крик новорожденного. В мыле прибежал Колька. Он кинул машину у завала и всю дорогу до нас бежал. К Мане его не пустили, Пахомовна даже дверь на ключ закрыла. Дважды Колька уже опростоволосился, дважды во время Маниных родов в обморок грохался. В роддоме это ничего, сестры для него каталку заранее готовили, а у нас кто будет им заниматься, не до него. Колька, пока бежал, раскочегарился и теперь никак не может релаксировать. Ходит по комнате из угла в угол, туда-сюда, туда-сюда. Вдруг раздался долгожданный крик младенца. Колька рванул к двери.

– Мать, открой, сейчас дверь выломаю.

– Колька, как только можно будет, открою, не бузи! Не до тебя.

– Мать, точно пацан родился?

– Точнее не бывает.

Где-то через полчаса Кольку, предварительно одетого в стерильные халат и шапочку, которые оказались у Веры Ивановны в саквояже, допустили к Мане. Он на руках отнес ее в приготовленную комнату. Ребенка отнесла Пахомовна. Мне кажется, что она не меньше, чем Колька, рада новорожденному. Все со слезами повторяет:

– Пацанчик, ну прямо вылитый Колька, прямо вылитый Колька.

Виталий Петрович

У нас с Паганелем сложилась традиция. В те дни, когда он гостит у нас в усадьбе, мы проводим вечера за приятной беседой у меня в кабинете. Сегодня – не до приятных бесед. В кабинете собрались все мужчины. Николай по понятным причинам отсутствует. В нашу жизнь пришла беда, огромная беда. Я счел необходимым ввести Паганеля и Генерала в курс дела и вкратце рассказал историю нашей семьи. Генерал с Пантелеем сразу же начали обсуждать план действий. Пантелей уже успел поставить в известность о случившемся губернатора, и тот взял ситуацию в Сосновске под личный контроль. Взрыв – это терроризм, и это не шутка. В гостинице адская машинка оказалась реальной бомбой с дистанционным управлением. По всему в планы Недельского оставлять в живых Игоря и Жаклин не входило. Первый и главный вопрос: уже найденные бомбы – это все, или стоит ожидать взрывы по всему городу? Глеб Николаевич успел рассказать Пантелею, что Манечка поймала у них во дворе мальчишек, которые пытались дать отравленный корм курам. Это и спровоцировало роды. Мальчишки утверждают, что они понятия не имели, что корм отравлен. К ним подошел мужчина неприметной внешности и дал тысячу рублей за то, что они покормят кур Николая Иванова. Пантелей распорядился оповестить о случившемся жителей Сосновска в

местных СМИ и призвать людей к бдительности. На экранах телевизоров бегущей строкой появился телефон, по которому просили позвонить тех, кто что-то видел или знал. Звонков оказалось довольно много. Звонили родители перепуганных ребят, которых неизвестный просил отнести пакеты к школе, где преподавали Валечка и Юра, к родильному дому и к нашему сосновскому дому. Вадим и Юрочка переглянулись и одновременно вскочили. Им пришло в голову, что бомба может быть заложена еще и на могиле Сони Немчиновой. Несмотря на позднее время, я счел возможным позвонить в монастырь. Мои извинения за поздний звонок были приняты. Мальчишек, пытавшихся оставить пакет на могиле Сони, монахи поймали еще днем. Прибывшие по просьбе настоятеля саперы обнаружили в пакете радиоуправляемое взрывное устройство. Негодяй Недельский, видимо, насмотрелся фильмов про Рэмбо и решил перенять его опыт в Сосновске. Пантелей решил, что должен лично присутствовать в развернутом штабе по предотвращению терактов, и оставил нас. Генерал тоже считал себя обязанным принять участие, как он выразился, в обороне города, но прежде ему надо было убедиться, что охрана усадьбы и поселка находится на должном уровне. Я позвонил и попросил приехать к нам Павла.

Пока мы ждали Павла, я поинтересовался некоторыми деталями обстоятельств, при которых Паганель с женой нашли Наташу. Я потрясен тем, что Наташа с Юрой сумели найти

Наташиных родителей. Наверное, правильнее сказать – биологических родителей Наташи, но язык не поворачивается. Обычно биологическими называют родителей, родивших ребенка, а потом предоставивших его своей судьбе, не заботящихся о малыше. Сразу видно, что Верочка Ивановна и Генерал совсем не такие. Какое-то невероятное стечение обстоятельств разлучило их с дочерью. Я как юрист не могу понять, как Паганелю удалось юридически оформить появление дочери. Я видел, что Паганелю разговор дается очень нелегко, но он взял себя в руки и рассказал нам все:

– Оформлять ничего не пришлось.

У Паганеля и его жены Любы была четырехлетняя дочка Наташа. Замечательная девочка, но очень больная. У нее был врожденный серьезный порок сердца. Врачи отводили глаза, когда родители интересовались перспективами ее выздоровления. По состоянию здоровья больше детей Люба иметь не могла. Вся жизнь Паганеля и его жены сосредоточилась на дочери. Врачи посоветовали вывезти Наташу летом на природу, покормить ягодами и овощами, выращенными не в теплице, а на свежем воздухе. У Любы есть родственники в сельской местности, и Паганель с семьей летом отправился туда. Наташе действительно стало намного лучше на природе, щечки стали розовыми, она много смеялась. Родители воспряли духом. Все было просто замечательно, пока однажды ночью Наташа не умерла. Вскрикнула во сне, и все. Похоронили Наташу там же в деревне. У Любы помутился

разум, она с трудом узнавала окружающих. Паганель счел за благо увезти жену домой. И вот, когда они возвращались домой, по лесной дороге они вдруг увидели девочку, которая сидела и плакала. А дальше все было как в сказке, выяснилось, что девочку зовут Наташей, а на вопрос, сколько ей лет, она показала четыре пальчика.

– Вы не подумайте, я был в уме и твердой памяти. Я очень хорошо осознавал, что Наташа просто потерялась, и мы не имеем на нее никаких прав. Я поехал в милицию и написал заявление. Милиционер хотел оставить девочку у себя, чтобы передать в детский дом, но Наташа устроила истерику. Она кричала, что я вру и что я ее второй папа. После этого милиционер попросил не морочить ему голову и, можно сказать, нас выгнал. Заявление в милиции я все же оставил. Теперь я вспоминаю, что Люба возвращалась в милицию, что-то она там забыла. Может быть, она забрала заявление, но, клянусь здоровьем Наташи, Люба ни разу в жизни мне в этом не призналась. Дальше все было просто. Люба поменяла нашу квартиру, все-таки Наташа внешне немного отличалась от нашей Наташи. Никто из наших знакомых не знал, что наша Наташа умерла, поэтому ни у кого не возникло вопросов, почему у нас живет девочка. Мы привыкли считать Наташу своей дочерью и старались сделать для нее все, что было в наших силах. Два года назад Люба посмотрела передачу «Жди меня» и решила, что Наташа должна попытаться найти своих родителей, отдала ей конверт с остатками адреса,

который хранила столько лет. Вот, собственно, и все.

Генерал выслушал все очень внимательно. Что у него там было на душе, не знаю, но он пожал руку Паганелю.

– Я нашел этого раздолбая милиционера. Когда вы были в милиции, он досиживал последний день перед пенсией. Когда я его нашел, он уже помидоры на даче поливал. Я его тогда чуть не пришиб. По приметам все сходилось, привозили нашу Наташу, а дальше – полная чепуха. Мент-то в ваши паспорта все же заглянул, а там дочка вписана – Наташа. Вроде как ей четыре года должно быть, и девочка, которая перед ним, тоже четыре пальчика показывала, зовут Наташей. Мент решил, что его дурят, родители воспитывают дочку таким вот изуверским способом. Выгнал горе-родителей, а заявление выкинул. Вспомнил, что дамочка совершенно чумовая была, сумку со всеми документами забыла, потом возвращалась. Вроде как приезжие из Москвы. Мы с Веркой потом при первой возможности в Москву ездили, все надеялись Наташу найти, а жизнь – она такая, все кувырком повернула. Все хорошо, что хорошо кончается. Единственное, о чем прошу тебя, Василий, – не показывай пока Верке детские фотографии Наташи. Пусть сначала привыкнет, что дочь нашлась. Она же до сих пор часто по ночам плачет, что не она в косички Наташе белые бантики заплетала.

Мы замолчали. Обстановку немножко разрядил стук в дверь, в кабинет вошел Павел.

– Смирнов, Павел? Живой!

– Батя! – Генерал и Павел обнялись. К своему удивлению, я заметил даже влагу на глазах у Павла. Паша сразу же рассказал, что обязан генералу и Вере Ивановне своей жизнью. Генерал вытащил его, раненого, с поля боя, а Вера Ивановна сшила его, как Паша выразился, из кусочков. Генерал застеснялся, приказал отставить разговоры и незамедлительно отправился инспектировать нашу систему охраны.

Николай

Раньше Недельский был для меня просто враг, а с сегодняшнего дня – личный враг, чуть меня сына не лишил. Встречу на узкой дорожке, рука не дрогнет, мочкану без зазрения совести.

В городе началась форменная паника. В штабе без конца звонит телефон, люди сообщают о неизвестных предметах. В основном – чепуха, зато в двух случаях попадание точно в точку. Один пакет обнаружили рядом с мэрией, второй – с Домом культуры. В Сосновск в срочном порядке выдвинулась подмога от губернатора. Надо сказать, что в штабе царил полнейший хаос. Отцы наших силовых структур оказались совершенно не готовы к ситуации, сложившейся в городе. Все изменилось, когда в штабе появился Генерал. Как-то само собой получилось, что командование он взял на себя.

Как только стало известно, что Недельский в городе, начальство догадалось закрыть выезд из города. На всех дорогах проводилась тщательная проверка документов у всех, выезжающих из города. К сожалению, результатов не было. Маловероятно, что Недельский остался в Сосновске, должен был понимать, какой будет шмон после взрыва. Скорее всего, Недельский смылся, пока Игорек трудился над телефонными проводами, а машинку взорвал не известный нам сообщник. Генерал поинтересовался, есть ли в городе аэро-

дром, и приказал сделать туда запрос. Генерал попал точно в яблочко. Несколько часов назад двое неизвестных зафрахтовали частный самолет. Уже в течение двух часов летчик не выходит на связь, все встревожены. Генерал запросил координаты и позвонил в какую-то военную часть. Через полчаса мы узнали: с самолетом все в порядке, летчик убит. Параллельно Генерал приказал срочно запросить колонию, где чалился Недельский, кто был у него на зоне в дружбанах, и кто вместе с ним откинулся.

Я убедился: имя генерала Северного производит магическое действие. Довольно скоро мы распечатали три протокольные рожи. Две из них представляют интерес. Один мужик сидел за изготовление самодельных взрывных устройств, а второй не гнушался ничем, если ему платили.

К сожалению, все свидетели, видевшие мужика, раздававшего пакеты с бомбами, несовершеннолетние. Ребят можно опрашивать только с согласия родителей и в их присутствии. Хорошо, что родители особенно не артачились. Все ребята указали на фотографию мужика, способного ради денег на все. На него же указали работники аэродрома. С этим разобрались. Осталось найти помощника Недельского в городе. Ребята последовательно просвечивали весь криминальный контингент Сосновска, а я стал думу думать. Кто-то уже очень сильно у Недельского в долгу должен быть, чтобы на такое дело в родном городе пойти. Это же пожизненное. К утру я вспомнил про Семена, когда-то трудившегося у Нем-

чиновых и участвовавшего в захвате Вальки в заложницы. Валька, дура, не стала писать заявление, что Семен покушался на ее драгоценную жизнь. Доброта-то, она известно, до чего доводит. «Не делай добра, не увидишь зла» – не просто так поговорка появилась. Я решил навестить Сему. Ребята говорят, что он вроде как твердо встал на путь исправления, но что-то не очень верится. К Семену вместе со мной поехал Виталий Петрович, зачем-то решил Семе в глаза посмотреть. Что там увидеть можно? Одно свинство.

Думаю, что Виталий Петрович даже не предполагал, что бывают такие условия, в каких живет Семен вместе с беременной женой Клавой. Семен вырос в детском доме, по достижению совершеннолетия он получил ключи от комнаты в коммуналке. Там и жил. Однако пока он отдыхал в местах не столь отдаленных, соседи умудрились его выписать. Теперь он бомж. У Клавы ситуация схожая. Несколько лет назад ее осудили, несправедливо, естественно. Когда вышла на свободу, родная сестра ее из дома выгнала, якобы она приличных людей позорит. Теперь Сема с Клавой живут в бараке без отопления и воды, удобства во дворе. В комнате у них маленькая печка, которую они топят мусором. Зарабатывает Клава, стоя на паперти, милостыню ради Христа просит. Сема работу находит редко, никто бывшего заключенного не берет. Как ребенка будут растить, не знают, может быть, придется на время в Дом малютки сдать. Про Недельского ничего не слышали. Семен побожился, что больше никогда с

Недельским дело иметь не будет. Если его еще раз посадят, Клава с дитем точно загнутся. То, что Валька на него заявление не написала, помнит, просил ей кланяться. Виталий Петрович, конечно, сразу открыл кошелек. Интересно, что Семен к деньгам даже не притронулся, только поблагодарил. Деньги взяла Клава, видно, она всем у них рулит. У такой не забалуешь. Денежная помощь – хорошо, но долго сыт ей не будешь. Я позвонил отцу, он пообещал взять Семена чернорабочим. Мы сразу же поехали на завод. Виталий Петрович звякнул еще Пантелею, он где-то там мигнул, и Семену с Клавой выделили общежитие. Они как вошли в общежитие, так ахнули. Чистая светлая комната, санузел и маленькая кухня. Клава осталась обустраиваться, а Семен сразу пошел работать. Если получится, он хотел бы работать на полторы ставки.

Что же, с Семеном я вытянул некозырную карту, но хоть доброе дело сделал, пристроил бедолаг. Перед нашим уходом Клава покраснела и попросила Виталия Петровича посмотреть ее дело. Утверждает, что следствие велось очень плохо и что ее подставили. Виталий Петрович обещал. Дело из архива придется доставать мне. Ох, не погладит меня по голове начальство.

Я решил съездить к Немчиновым. Маньку надо проведать и, может, соснуть хоть пару часиков. Сегодня Новый год, две ночи без сна я не потяну. Как известно, Бог располагает… Моим мечтам сбыться не удалось. Позвонил Пантелей

и срочно вызвал к себе, появились новые обстоятельства. У Пантелея я застал Ларису Ивановну. После того как она обрела сына, Лариса Ивановна бросила пить и даже приобрела некоторый лоск успешной бизнес-леди. Сейчас на ней не было лица. В мэрию она пришла тайком в парике и чужой одежде. Я поначалу даже решил, что у меня начались глюки.

– Слушай, Николай, Пантелею я уже все рассказала, но без тебя не обойтись. Митька всю ночь не спал, хочет идти сдаваться, якобы это он бомбу в музее взорвал. Разрули все, бог видит, если и взорвал, то не нарочно. Ты знаешь, Витька Недельский помог мне Митьку вырастить. Митька, дурак, к Витьке хорошо относится. Вчера Витька позвонил Митьке, якобы узнать, как жизнь. Слово за слово, Недельский попросил Митьку позвонить ему по определенному телефону, если свет в музее поздно вечером зажжется. Вроде он слышал, что Пантелей туда собирается, и якобы Витька хочет подойти к Пантелею повиниться. Митька в окно увидел, что свет в окне зажегся, и набрал номер, а тут взрыв. До Митьки все сразу дошло. Узнал, что вместе с Пантелеем Юрка, так чуть руки на себя не наложил. Слава богу, все обошлось.

– Сам понимаешь, сведения секретные, – на всякий случай предупредил меня Пантелей. Мог бы и не трудиться, я своих не сдаю. Видел вчера, как Монтекки к Юрке кинулся.

Митькин телефон Лариса Ивановна принесла. Я туда личный жучок поставил, все разговоры буду слушать, причем не только я, может, еще и Манька. Все равно ей еще несколько

дней в постели лежать. Ценных указаний я дал в изобилии. Лариса Ивановна поохала и ушла. У Недельского появился еще один личный враг.

Игорь

Недельский все-таки придурочный. Денег куры не клюют. Ехал бы себе на синее море и лежал на пляже пузом кверху. Нет, неймется ему, что в городе устроил? В террористы поиграть захотел. Теперь мало не покажется. Чудак на букву М.

Нас с Жаклин оставили ночевать в усадьбе. Я так очень доволен, все-таки под охраной. Сейчас утром нас должны отвезти на сосновский вокзал, а ночью, бог даст, будем уже в Париже. Может быть, даже Новый год в Париже встретить успеем. Вадим разрешил мне немного отдохнуть, погулять по Парижу. Для меня теперь главное – от Жаклин отделаться, причем без особых потерь.

За завтраком с нами за столом сидел только Вадим. Разговоры разговаривать он был не в настроении. Просто сидел и ждал, пока Жаклин откушает. Пока мы ели, в столовую вбежали дети:

– Папа, папа, маленький Глебка плачет!

– Соня, Сережа, бегите к маме и чем-нибудь займитесь, поиграйте. Тетя Маня сейчас Глебку покормит, и он успокоится. Не мешайтесь.

–Вадим, это твои дети? – у Жаклин округлись глаза. – Такие большие? И почему их двое? Ты что, взял их из детского дома?

– Соня и Сережа – наши с Валей дети. Они двойняшки.

– Валя родила сразу двоих? Но у нее хорошая фигура, совсем не испортилась. Разве так бывает? Меня муж бросил, потому что я не хочу рожать. Я совсем не хочу быть толстой, с таким безобразным животом. Какой же живот был у Вали?

– Нормальный был у Вали живот. Ей вообще беременность к лицу. Мне нет дела до твоих проблем. Хочешь рожаешь, хочешь нет, мне все равно. Доедай быстрей и уезжай.

– Какой ты злой, Вадим. Почему ты не хочешь мне помочь? Мне и надо от тебя совсем немного. Подари мне хотя бы шубку, такую, как у Вали.

– Я тебе три шубы подарю, только чтобы ты больше никогда в моей жизни не появлялась.

– Ладно, только плюс к шубам подари сережки с бриллиантами, колье и перстень.

– Давай номер счета, я тебе на него деньги переведу, что хочешь, то купишь. Только имей в виду, появишься у меня еще раз, сдам полиции. – Вадим озвучил нехилую сумму, но эта нахалка запросила вдвое больше. По-моему, Вадим снял бы с себя последнюю рубаху, только чтобы от этой дуры отделаться.

Валя

Как только Жаклин уехала, Вадим пришел в хорошее расположение духа. Вчерашние страшилки остались в прошлом, впереди – Новый год, новое счастье и новые радости!

Детей совершенно невозможно отогнать от дверей в комнату Манечки. Как только младенец начинает плакать, дети сразу же бегут докладывать об этом всему дому. Катюша с Шурой важничают, это ведь у них брат родился. Нашим похвастаться нечем. Смотрю, Соня с Сережей отошли в сторонку и что-то долго между собой обсуждают, явно готовят речь. За обедом, только мы сели за стол, дети начали толкать друг друга, мотивировать на спич, а потом, как всегда, хором начали:

– Ма, па, как вы думаете, Дед Мороз уже купил нам подарки? – Вадим почесал затылок:

– Думаю, да. Вы же давно письма Деду Морозу написали.

– Па, а если мы другой подарок захотим и еще письмо напишем, Дед Мороз может взмахнуть волшебной палочкой, чтобы старый подарок в новый превратился?

–Взмахнуть-то он может, только письмо до Деда Мороза уже может не дойти, он же сейчас уже ребят в Сибири поздравляет. А что вы хотите?

– Ма, па, мы хотим вместо игрушек маленького братика попросить, такого, как у Катьки с Шуркой. Им Дед Мороз

братика принес, они его теперь в коляске катать будут. – Вадим онемел. Мишка это заметил, явно решил приколоться, поэтому принял эстафету.

– А что, ребята, это идея. Пожалуй, я вам помогу Деду Морозу письмо писать. Я напишу, а вы картинки нарисуете. Только это уже просьба на следующий год. На этот год все братики и сестрички кончились.

– Ты Деда Мороза будешь просить детям братика принести или племянника? – это уже я решила подколоть Мишку. Виталий Петрович и Вадим даже есть перестали, когда до них дошел смысл того, что я сказала. Мишка оценил момент, его же медом не корми, дай только эпатировать окружающих.

– Одно другому не мешает. – Рожица у Мишки стала очень довольная.

Потихонечку наступил вечер. Дети заснули, а мы большой компанией собрались в столовой, надо как следует проводить старый год и встретить новый. Конечно, стали перечислять все хорошее, что случилось с нами в уходящем году. Самое значимое событие – это встреча Наташи с Верой Ивановной и Генералом. Наташа с Юркой молчат, но все мы понимаем, что свадьба не за горами. Разве это не счастье? Анна Александровна и Пантелей Иванович давно об этом мечтают. В уходящем году мы сумели отстоять завод, на этом Пантелей Иванович особо остановился, когда поздравлял с Новым годом сосновцев. Вадим сделал несколько очень инте-

ресных проектов и закончил очередную очередь коттеджей. Мишка поступил в университет. Все мы здоровы и счастливы, дети растут – разве этого мало?

Куранты пробили двенадцать. Мы чокнулись шампанским, настроение было отличное. Начались шутки. Вдруг у Пантелея Ивановича зазвонил телефон, который он использует только для экстренных разговоров с самыми близкими людьми. По ватсапу ему позвонил Недельский.

– Ну что, Пантелей, не ожидал? Я, конечно, надеялся, что ты уже на том свете, а ты живучим, гад, отказался. До Нового года дожил. Все равно я тебя и Юрку достану. Анька, что ты только в Пантелее нашла? Средней паршивости ведь мужичонка. Бросил тебя. Кишка тонка супротив тестя, а потом против меня оказалась. На кой он тебе? Вот и сейчас струсит, чистоплюй, руки об меня марать не захочет. Анька, смотри, сидит, молчит, даже ответить боится. – Пантелей Иванович сидел, сжав кулаки. Все его силы были направлены на то, чтобы не ответить на провокацию Недельского. Вдруг у Пантелея Ивановича мобильник выхватил Мишка:

–Слушай ты, Недельский. Может, кто и не захочет об тебя руки марать, а вот я захочу. Ты, сволочь, мой злейший враг.

– Ты кто будешь, щенок?

– Я – Мишель, сын Сергея и Луиз Немчиновых, которых ты, сволочь, заказал.

– Большой вырос, сучонок. Жалко, тебя тогда Варвара не замочила.

– И у меня к тебе, Недельский, счет есть. – Это уже взял трубку Колька. – Так что лучше сиди в своей норе и не суйся в Сосновск, здоровье можешь подорвать. Это я тебе обещаю.

– Ну что ж, встреча, по всему, будет трогательной. – Недельский выругался и отключился.

Некоторое время мы все сидели молча, только Генерал с Колькой отправились выяснять, сумели нужные люди отследить местоположение Недельского или нет. Выяснилось, что Недельский звонил с Западной Украины. Пантелей Иванович заметил по картинке, что за спиной Недельского было что-то похожее на вокзал или аэропорт. Видимо, Недельский позвонил перед отлетом, а может, никуда он не собирался улетать, а просто решил пустить нас по ложному следу.

Вадим был совершенно деморализован речью Мишки. Он поднял вопрос о том, что Мишку теперь опасно отпускать в Москву, а ему экзамены сдавать нужно. Виталий Петрович молчал, он не мог ругать Мишку, он Мишкой гордился, но страшно волновался за внука. Генерал нас всех немного успокоил.

– Вадим, во-первых, вы в состоянии нанять охрану Мише. Во-вторых, терроризм – это очень серьезное преступление, это сфера ответственности ФСБ. Не надо думать, что там люди просто так штаны просиживают. Изготовитель взрывных устройств уже арестован, выйдет он на свободу очень не скоро. Все счета Недельского заморожены. На него бесплатно никто работать не станет. Счета Клюева под полным контро-

лем, здесь некоторые из сидящих за этим столом сработали профессионально. Делать что-то в Москве у Недельского просто силенок не хватит. Остается Сосновск. Я в штабе порядок наведу. Охрану города надо менять, это точно. Многие из начальников ваших силовых структур, даром что с погонами, штафирки штафирками. Толка никакого. У меня старший сын, Славка, скоро в отпуск идет. Он десантник, один роту недельских на куски порежет. Думаю, пусть сюда приедет, бодигардом у вас будет. У Славки не забалуешь, а я за город возьмусь. Мы с тобой, Пантелей, порядок наведем.

Виталий Петрович

Я все время думаю, за что нам все это. Юрочка – просто святой человек. Весь в заботах о своих учениках, о школе, о нас. А поди ж ты, Недельский угрожает прежде всего ему. Я пришел к выводу, что так напоминает о себе карма нашего рода. Грехи отцов падают на головы детей. Это страшно. Неужели опасность грозит Мишелю, Сонечке и Сереже? Мне кажется, что это несправедливо. Дети ни в чем не виноваты. Всю первую ночь Нового года я не сомкнул глаз. Я должен решить, что делать, как защитить близких от Недельского. К сожалению, пока ничего путного я не придумал. Буду еще советоваться с Пантелеем и Генералом. За деньгами я не постою, но как организовать охрану надежно? Идея с приездом сына Генерала мне кажется разумной. Места у нас на всех хватит.

Утром дети, как проснулись, сразу побежали к елке за подарками Деда Мороза. Сейчас носятся по всему дому, хвастаются, что они хорошие дети, так как Дедушка Мороз приносит подарки только послушным ребятам. Им Дедушка Мороз принес не только то, что они просили, но кое-что еще, от чего они просто в восторге. Мы знали, что выбрать для детей.

В одиннадцать часов к нам привели дочек Николая и сыновей Светочки и Павла, началась детская елка. Паганель на-

писал сказку, и они с Наташей представили ее в самодельном кукольном театре. Кукол и декорации нарисовал Вадим. Дети очень живо реагировали, кричали: «Елочка, зажгись!», и когда действительно зажглись огоньки на нашей огромной елке, восторгу не было предела.

Потом выступали сами дети: читали стихи, танцевали и пели. В конце Мишель с Таней, одетые Дедом Морозом и Снегурочкой, раздали подарки. Дети получили конфеты, взрослые – новые смартфоны. Я получил в подарок картину, которую нарисовали Вадим с Мишелем. Когда-то, еще когда мы жили в Париже, я пытался приобщить их к русской литературе. Мои усилия свелись к тому, что дети выучили две строчки Пушкина про кота ученого. На подаренной мне картине изображен громадный дуб, посередине которого проходила ломаная линия, разделяющая картину на две части. На левой части изображен кот-созерцатель, он сидит на ветке и смотрит на желуди, не видя их. Я понял: это – Вадим. На правой стороне изображен игривый кот – деятель. Он едва удерживается на ветке хвостом, а лапами старается достать и сорвать желуди. Выражение мордочки у кота хитрющее. Ясно, что это Мишель. У корней дуба с одной и другой стороны растет по цветку, их явно рисовали Соня и Сережа. Что может быть лучше такого подарка? Я обязательно повешу картину у себя в кабинете.

Кончился праздник фотографированием у елки. Паганель долго нас мучил. День был пасмурный. Паганель снимал нас

со вспышкой и без нее, включал и выключал верхнее освещение. Я, откровенно говоря, даже устал позировать. Вечером Мишель принес снимки мне в кабинет, чтобы я выбрал лучший. У меня голова была полна совсем другими проблемами, поэтому я положил снимки себе на стол и пообещал посмотреть их перед сном. Я сидел в кресле, не зажигая свет. Зачем он мне, к сожалению, мысли мои от света светлее не становятся. Случайно я бросил взгляд на фотографию, которая лежала сверху, Паганель сделал ее при естественном свете без вспышки. Я остолбенел. Конечно, это игра теней от ветвей елки, но я явственно увидел, что рядом со мной, чуть позади, стоит Люси и улыбается. Люси – такая молодая. Мне показалось, что я вижу за ее спиной своих родителей, деда и даже Леонида Львовича. Я перевел взгляд на Мишеля. Сзади него стояла Луиз и обнимала сына. Серж стоял сзади Вадима и Юры. Он положил им руки на плечи и тоже улыбался. Рядом с Анечкой я увидел Соню и Федора. За Валечкой тоже кто-то стоял, видимо, ее родители. У меня на глаза навернулись слезы. Пусть я сошел с ума, но в это прекрасное мгновение я был абсолютно счастлив. Если наши покойные близкие улыбаются, может быть, все не так уж плохо. Им-то должно быть известно будущее.

Мишель застал меня в совершенно растрепанных чувствах. Пришлось признаться в том, какое видение меня посетило. Мишель, естественно, отнесся к моим словам со скепсисом. Он долго рассматривал фотографию и ничего мне не

сказал, но я знаю, что для себя он распечатал несколько копий именно этого снимка.

Наташа

Наверное, я страшная эгоистка. Все чего-то опасаются, а я нет, я просто примитивно счастлива. Я люблю, и этим все сказано. Юрочка – чудо, он тоже любит меня.

Я живу у Немчиновых уже второй месяц, и мне здесь нравится все больше и больше. Мои мама Вера и папа Генерал решили обосноваться в Сосновске. Сейчас идет отделка коттеджа дуплекса, который купили родители для себя и моего младшего брата Кирюши. Мой средний брат Славка пока думает, может быть, он купит себе коттедж сам чуть позже. Братья у меня оказались отличными. Кирюша – врач, очень добрый, в маму, а Славка – двухметровый десантник, весь в папу. Вчера мы обсмеялись. Манечка повела Славку в свой фитнес-центр покачаться. Ну, Славка плеер включил, наушники в уши вставил и пошел качаться. Минут через пятнадцать народ стал «офигевать», по выражению чистокровной француженки Мани. Все собрались вокруг Славки, а он себе качается и качается, ничего не замечает. В конце концов Манечка Славку за плечо тронула, мол, ты как? Не устал? А Славка:

– Ты чего – устал, я только разминаться начал. – После тренировки народ у Славки чуть не автографы брать собрался.

Мама Вера очень подружилась с Анной Александровной.

Вчера они настоятельно порекомендовали мне прийти на прием к Анне Александровне. Я сначала ничего не поняла, а потом догадалась. Неужели я беременна? Юра в восторге. Сегодня моя беременность подтвердилась – пять недель! Юра, молодец, успел прибежать в поликлинику, правда, в рабочей одежде. Юра сначала с ребятами старые декорации убирал, а потом они школьный двор расчищали под каток. Анна Александровна сильно ругалась, что Юра в рабочей одежде в поликлинику зашел, а я просто рада видеть Юру, мне наплевать, как он одет. В самом приподнятом настроении мы поехали домой, в усадьбу. Мы вошли в прихожую, и я увидела, что приехала моя мама Люба. У Паганеля вид был надутый. Он всегда у него такой бывает, когда мама Люба начинает строить из себя светскую даму.

Папа Генерал недаром ругает меня за то, что я трусиха. Мне сразу стало страшно, что мама Люба не позволит мне выйти замуж за Юру. Мама Люба сделала интеллигентное лицо, поцеловала меня и поздоровалась за руку с мамой Верой и Анной Александровной:

– Наташа, что ты себе позволяешь, твой муж Владик в больнице, а ты за тридевять земель. Владик пожаловался мне, что ты ни разу его не навестила. Игорь Константинович звонил, говорил какую-то ерунду про развод. Тебе надо срочно ехать, налаживать отношения с мужем, хватит, отдохнула.

– Наташа никуда не поедет и к Владиславу никогда не вер-

нется. Тебе надо с этим смириться, Люба. – Папа Паганель редко говорил так твердо, как сейчас.

Мама Люба даже не успела удивиться, так как позвонил охранник. Он спрашивал, можно ли впустить некого Владислава. Я схватилась за голову. Это была катастрофа:

– Мама, неужели ты дала адрес Владику?

– Почему я должна была скрывать от него, где находится его жена?

– Мама, что ты наделала? Зачем ты все испортила? – у меня на глазах появились злые слезы. В Сосновске все было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

В прихожей появился Владислав, все Немчиновы еще раньше подтянулись в прихожую. Раньше я не замечала, как карикатурно выглядит Владислав. Все у него было с претензией на что-то. В общем, чучело чистой воды.

– Ну что, женушка, не ожидала, чего стоишь, собирайся, домой поедешь, а моему отцу скажешь, что дурой была, что от меня сбежала.

Я достаточно твердо ответила, что никуда не поеду и больше Влада своим мужем не считаю. Я видела, что Юра, мои братья и два папы готовы вмешаться, но пока ситуация вроде бы этого не требовала.

– Кому ты нужна, кошка драная, не пробросайся! Не стой, иди собирайся.

– Я, например, с удовольствием женюсь на Наташе, она – замечательный человек. – Юра не выдержал.

– Ты что, может, мне еще и изменять надумала? Так я тебя еще поучу. Видно, в прошлой раз тебе мало досталось. Соседи, сволочи, ментов вызвали.

– Что ты сказал, слизняк? Ты что, поднял руку на мою дочь?

На Владислава стал надвигаться папа Генерал. Владислав сделал шаг назад, а потом сделал страшное лицо и вытащил из кармана пистолет и направил его на папу. Я ахнула.

– Ты что, слизняк, меня, Героя России, пукалкой испугать хочешь? – голос у папы загремел на весь дом. Тут между папой и Владиком встала мама Вера.

– Осади, генерал! Аня, неси водки! Славка, займись!

Слава стоял вроде далеко от Владьки, но у него как-то поднялась нога, описала дугу и попала точно по руке Владислава. Пистолет отлетел довольно далеко. Анна Александровна вместе с Жан-Пьером побежали на кухню. Жан-Пьер принес поднос с хрустальной рюмкой и бутылку водки. Анна Александровна принесла граненый стакан, черный хлеб и соленый огурец. Мама Вера налила водку в стакан, до краев, и подала отцу. Он выпил, занюхал хлебом и откусил огурец. Всю эту процедуру он повторил еще раз и только после этого вроде пришел в себя.

– Пап, я родственничка мордой в снег минут на двадцать кину, пусть в себя придет. – Слава схватил Владьку за шиворот.

– Славка, не трогай его, он под кайфом, мог и стрельнуть,

его в больницу надо, а то помрет. – Кирюша стал вызывать скорую помощь.

Мама Люба смотрела на все произошедшее с ужасом. В ее голове не укладывалось, что ее любимый ученик Владислав – наркоман. Мозги так быстро у людей не перестраиваются, поэтому мама Люба быстро нашла виноватого.

– Юра, это вы виноваты в этой ужасной сцене. Я понимаю, что Наташа может нравиться, и вы можете хотеть на ней жениться. Вы должны понять, Наташа привыкла к определенным условиям жизни. Вы – простой, провинциальный учитель, что вы можете ей предложить. У Владислава отец – известный юрист, у самого Владислава – хорошая должность. Куда вы приведете жену? Вам есть где жить? Насколько я понимаю, вам здесь жилье предоставлено временно, вас наняли составить родословную Немчиновых. Что вы будете делать, когда работа закончится?

Мне стало безумно стыдно. Я боялась даже посмотреть на папу Паганеля. Он в таких случаях очень страдает от маминой бестактности. Юра промямлил, что в их школе учителя хорошо зарабатывают. Мама Люба не поверила.

– Глубокоуважаемая Любовь Петровна, я вынужден поставить вас в известность, что Юрий Круглов – мой брат. Он такой же владелец усадьбы, как и я. Прошу это иметь в виду. – Я даже не предполагала, что Вадим умеет говорить таким ледяным тоном.

– Да, Любовь Петровна, Наташа не прогадала. – В прихо-

жей появился Игорь Константинович, отец Владислава. – Я пока ехал сюда, вслед за Владькой, навел некоторые справки. Юрий Пантелеевич, – Игорь Константинович поклонился в сторону Юры, – миллионов сорок евро весит, и это если не считать картин и антиквариата.

Я даже не предполагала, что Юра такой богатый. Теперь могут подумать, что я охотница за деньгами. Как неудобно! Хорошо, что приехала скорая помощь, и все отвлеклись. Влада увезли. С ним уехал и Кирюша, он по профессии нарколог, а в местной больнице сейчас нарколога нет.

Когда все вроде улеглось, я увидела, что мама Люба стоит в стороне и плачет. Она собралась уезжать, потому что ей стало очень стыдно. Пришлось ее поцеловать и сто раз уверить, что я ее люблю.

– Наташка, устроила паузу, как в художественном театре, и все тянешь и тянешь. Так скажи уже: да или нет? – папа Генерал наконец вспомнил о самом главном.

– Да, да, я беременна! – все закричали «ура!».

Валя

Сначала после звонка Недельского было очень страшно, потом потихонечку страх стал сходить на нет. Жить-то надо. К нам с Юркой приставили охрану, которая провожает нас от дома до школы, а потом обратно. Дети ходят в детский сад по строго охраняемой территории. Колька за детей отвечает головой. Я Кольке верю. Слава богу, Мишка и Таня благополучно сдали все экзамены и вернулись в Сосновск на каникулы. Тетя Зина сильно ругается. Танины родители собрались в отпуск в санаторий, и Танечка будет одна. Тетя Зина считает, что это такая военная хитрость Таниной матери. Она спит и видит выдать Таню замуж за Мишку, поэтому оставить Таню одну в пустой квартире наверняка ей кажется блестящей идеей. Мы, взрослые Немчиновы, предпочитаем, чтобы Мишка приглашал Таню к нам. Во-первых, усадьба прекрасно охраняется, а во-вторых, ребята все же на глазах. Танечка с удовольствием приезжает к нам, она уже практически стала членом нашей семьи. Лучше, чем Таня, жены для Мишки никто не пожелает, но уж больно они с Мишкой молоды. Хорошо бы еще немного подождать.

Вчера в детском саду, куда ходят наши, Колькины и Светкины дети, произошло ЧП. Детский сад расположен в коттеджном поселке, где живут Светка и Колька. Детский сад – прекрасный. Светка – председатель попечительского сове-

та детского сада, у нее не забалуешь. В группе, куда ходят наши дети, заболела воспитательница, и с ребятами занималась заведующая, милейшая женщина. Когда мы пришли вечером забирать детей, заведующая попросила Вадима посоветовать, что делать с протечкой, которая появилась в коридоре на втором этаже. Посмотреть на протечку потащились и мы со Светкой. Присматривать за детьми оставили нянечку – Ирку Кучкину, которую пристроил в детский сад с испытательным сроком Юрка. Помню, весь наш учительский состав вздохнул с облегчением, когда Кучкина наконец закончила школу. Ни на одной работе Ирка ужиться не может. Выгоняют ее максимум через месяц. В конце концов, после слезной просьбы матери Кучкиной, Юрка попросил взять ее в детский сад.

Перед тем как мы пошли смотреть на протечку, Светка сто раз предупредила Кучкину, чтобы обошлось без форс-мажора. Кучкина согласно кивала и заверяла, что все будет ОК. Когда же мы вернулись в группу, мы застали то, что иначе, чем форс-мажором, не назовешь. Кучкина тащила за руку нашу Соню, по-видимому, в угол, а ребята пытались Соню у Кучкиной отбить. Визг и крик стоял на весь детский сад. Как только Кучкина увидела нас, она отпустила Соню. Соня сейчас же кинулась к нам с Вадимом. Когда Вадиму кажется, что наших детей обижают, у него просыпается первобытный инстинкт – не только защищать детей, но и крушить обидчика. Я видела, что Вадим еле сдерживается, чтобы не нако-

стылять Кучкиной.

– Ваша Соня – воровка, она у меня планшет украла, вы думаете, если вы богатые, то вашим детям все можно? – Кучкина явно испугалась и от страха пошла в наступление. Дети зашумели, что Кучкина врет. Светка попросила Павлушку, сына, рассказать, как было дело.

– Ирина Иванна вышла из комнаты, а Медведев решил взять ее планшет и посмотреть. Соня сказала, что это нехорошо, отобрала у него планшет и хотела на стол положить, а тут Ирина Иванна пришла и стала обзывать Соню воровкой. Соня сказала, что она не воровка, тогда Ирина Иванна сказала, что она Соню в полицию сдаст.

Медведев явно не собирался признаваться, что это он взял планшет. Тогда Светка взяла планшет и пообещала, что отдаст его Кольке, чтобы он снял отпечатки пальцев и выяснил всю правду. Ясное дело, Медведев сразу заревел и признался, что он не собирался брать планшет себе, у него дома свой есть. Медведев только хотел посмотреть картинки. Ирина Иванна очень смешные картинки про голых дядек и теток смотрела. Светка включила планшет. Заведующая глянула и стала цвета свеклы. Вадим тоже покраснел. Кучкину выгнали с треском.

Когда мы вышли из детского сада, я поняла, что не столько детям, сколько Вадиму надо снять стресс. Я предложила посетить Макдональдс. Макдональдс – это мечта детей, для них труднодостижимая, конечно. В нашей семье фаст-

фуд – это плевок в душу Жан-Пьеру и Мадлен. Вчера случай был экстраординарный, поэтому даже Вадим не возражал. Дети были в восторге. Они с величайшим удовольствием стрескали картошку фри и выпили по стакану кока-колы. Дети так радовались неожиданному удовольствию, что Вадим потихонечку стал оттаивать, тоже угостился картошечкой, а в завершение нашего «загула» купил детям бумажные короны. Когда мы вернулись домой, дети потихонечку разделись, нацепили короны и с воплями побежали к деду. Конечно, они сразу же рассказали, что Соню воспитательница Ирина Иванна назвала воровкой. Сказать, что Виталий Петрович был шокирован, это ничего не сказать. Как это возможно? Нашу Сонечку, наше солнышко, наш цветочек, назвать воровкой. Я даже испугалась, что будет поставлен вопрос о немедленном отъезде в Париж. Но ничего, пронесло. Жалко Юрку, он очень расстроился. Юрка был классным руководителем у Кучкиной и считает себя обязанным помогать ей устроиться в жизни. Куда ее теперь девать? Я смеюсь, что теперь ей прямая дорога в мэрию.

Сегодня вышла на работу наша воспитательница, и я со спокойной душой оставила детей в детском саду, а сама отправилась на работу. Свои уроки я закончила на час раньше Юрки. Охрана должна приехать к окончанию рабочего дня Юрки, и я приготовилась куковать целый час в учительской. Вдруг звякнул мой сотовый, пришла смс: с Соней в детском саду случился несчастный случай! Я сразу позвонила Вади-

му, он оказался далеко от детского сада на стройке. Тогда я позвонила Светке, она пообещала немедленно узнать, в чем дело. Самой оставаться на месте и ждать охрану было выше моих сил. Я быстро оделась, добежала до машины и помчалась в детский сад. Уже на середине дороги мне позвонила Светка, она уверила меня, что с Соней все в порядке. Соня даже пролепетала что-то мне в трубку. У меня отлегло от сердца, слава богу, ложная тревога. Тут-то до меня дошло, что смска была мне отправлена с неизвестного номера. Кто-то решил пошутить, хорошо если пошутить, а если… Мне предстояло ехать через лес без охраны. Я посмотрела в зеркало. Так и есть: за мной тащится черный джип. Мне стало безумно страшно. Колька снабдил нас всех тревожными кнопками. Я стала судорожно жать на кнопку. Колька сразу же перезвонил и стал отдавать четкие команды. Это хорошо, а то сама я уже очень плохо соображала. Колька велел телефон не отключать и постоянно докладывать обстановку. Охрана мне на помощь уже выехала. От этой новости на сердце стало чуть теплее. Я выжимала из машины все, что могу, но что моя «Риочка» по сравнению с «Ленд Ровером». Все же одно преимущество у моей «Риочки» есть, она очень юркая. На последнем светофоре перед поворотом в лес я сумела пролететь на зеленый, а джипу пришлось затормозить на красный, на повороте стояли гибэдэдэшники. Жалко, я увидела их в последний момент и не успела затормозить, может быть, полицейские смогли бы меня защитить. Я помча-

лась как можно быстрее, до усадьбы оставалось всего километров пять, и тут, о ужас, на дорогу кто-то набросал гвозди и битое стекло. Шины сейчас же прокололись, и я чудом не улетела с дороги. Наверное, ДТП с моим участием и было целью всей этой катавасии. Колька велел ехать на ободе чуть вперед до тропинки, которая вела в коттеджный поселок, там бросить машину и бежать в противоположную от коттеджного поселка сторону, только не по целине, а по тропинке. А если джип объявится, зарываться в снег и сидеть тихо, телефон не выключать. Колька с ребятами уже близко.

Я успела пробежать по тропинке метров сто, когда появился джип. Из него вылезли два амбала. Один оказался разговорчивым.

– Смотри-ка, попалась птичка, небось со страху обоссалась. В машине никого, – амбалы заглянули в машину. – К поселку, наверное, побежала. Часа два бежать будет, дороги-то практически нет. В снег лезть неохота. Велено напугать, мы и напугали, а по снегу бегать, я лично не подписывался. Пойдем в машину, холодно. Подождем мужика-олигарха, он с охраной ехать должен, посмеемся, когда охрана облажается.

Не успели амбалы дойти до машины, как подкатил Колька с ОМОНом. Амбалы сразу в полную несознанку, мол, по нужде в лес завернули, а тут – полное безобразие и машина с проколотыми шинами стоит. Решили поинтересоваться, не нужна ли помощь. Колька приказал открыть багажник, а там

остатки гвоздей и стекла. Амбалов тут же повязали. Оказались залетными. Что им дома-то не сидится, Колька сейчас статей накрутит. Регистратор с моей машины Колька снял сразу. Ну и мобильниками амбалов поинтересовался. Дурачье, они смс про Соню стереть не догадались.

Я все это время лежала в сугробе и благодарила Господа за то, что надела утром светлую шубу. Замерзла я страшно, но вылезать из сугроба мне не очень хотелось. Ясное дело, Колька будет сильно ругаться. Я сама понимаю, что виновата. Полная дура, но материнский инстинкт на то и инстинкт, что заставляет действовать, а не соображать. Хорошо, что со стороны усадьбы примчался Вадим. Я сразу бросилась к нему. Колька, конечно, поворчал, но не очень сильно. После рождения сына Колька подобрел. Сам, когда Маня рожала, бежал через лес и ни о каких засадах не думал.

Виталий Петрович

Когда-то древнеримский император Марк Аврелий сказал: «Делай, что должен, и свершится, чему суждено». Я всю жизнь стараюсь жить по этому принципу, но, честно говоря, сейчас это дается очень тяжело. Очень тяжело, потому что я просто не знаю, что можно еще сделать. Я, что называется, просто сижу и жду у моря погоды. Я считал и считаю, что нам всем надо срочно уезжать в Париж. Там я могу организовать такую охрану, которая и президентам не снилась. Вместе с тем я очень хорошо понимаю, что уехать в Париж нереально. Слишком уж все мы вросли в сосновскую жизнь. У Вадима – стройка, у Валечки – школа, у Мишеля – учеба в университете. У Юрочки на носу премьера «Ромео и Джульетты». Для Пантелея противоборство с Недельским – это вопрос жизни и смерти. Свой пост он не оставит, а Анечка не оставит Пантелея. Хорошо, что организацией охраны города всерьез занялись Генерал и Слава. Я верю, что они делают все, что могут, но, к сожалению, в жизни всегда есть место случайностям…

Конечно, есть приятные события, но количество негатива зашкаливает. Вчера дикая история с Соней, ладно, я могу понять – заболела воспитательница, на пять минут оставили детей с Кучкиной. Но как у кого-то язык мог повернуться назвать нашу Сонечку воровкой. О сегодняшнем случае с

Валечкой я даже не говорю. Чудо, что она осталась жива. Как только Вадим привез Валечку домой, Зина напоила ее чаем с медом и отправила в постель. Вечером ко мне зашел Вадим и пригласил заглянуть к нему в спальню. Дети, наверное, как-то почувствовали, что с матерью могла приключиться беда, и захотели быть как можно ближе к ней. Валечка спала, а с двух сторон к ней притулились Соня и Сережа. Дети вроде крепко спали, но, как только мы подошли к кровати, Сонечка сразу же попросилась на горшок. Через пять секунд с той же просьбой обратился Сережа. Во сне дети даже сумели поспорить, кто попросился первым, а кто вторым. Мы с Вадимом выполнили просьбу детей и, несмотря на протесты, уложили спать в их кроватки. Вадим выглядел ужасно, он пережил тяжелейший стресс, поэтому я вызвался проследить за детьми, а его отправил спать. Дети быстро заснули. Через полчаса я зашел проверить сорванцов, но нашел кроватки пустыми. Дети спали рядом с родителями. Я не стал им мешать.

Вадим мне признался, что Валечка давно подумывает еще об одной беременности. Вадим раньше сомневался, не слишком ли это тяжело для Вали, а как только Недельского выпустили, решил, что теперь самое время – во всяком случае девять месяцев Валя проведет дома. Я считаю, что Вадим абсолютно прав.

Наташа

Завтра наконец-то премьера «Ромео и Джульетты». Спектакль получился потрясающий. Последние штрихи добавила мама Люба. Она у нас прирожденный режиссер. Мама Люба смирилась, что я выхожу замуж за Юру, а раз уж Юра будет моим мужем, все у него должно быть по высшему классу. Мама Люба поменяла некоторые мизансцены, расставила акценты, и спектакль заиграл всеми цветами радуги. Дома столько разговоров про спектакль, что двойняшки тоже решили пойти в Дом культуры. Если их только начинают уговаривать остаться дома, сразу в рев. Хотят пойти, и все тут. Видимо, придется их взять, хотя наверняка сразу заскучают, малы еще.

Николай

Иногда мне кажется, что в городе пахнет электричеством, так все напряжено. Хорошо, что граждане проявляют бдительность, взрыв музея всех впечатлил. Сегодня Юркин спектакль. Вот приспичило ему со своим спектаклем выпендриться, не мог подождать, пока мы Недельского поймаем. Я весь на нервах, все силовики задействованы. Охранять ведь нужно не только Дом культуры. Недельский не дурак. Ясное дело, не попрет туда, где его ждать будут. Скорее всего, если появится, то там, где, по его разумению, никого из силовиков не будет. Людей явно не хватает. Хорошо, что Генерал со Славкой рядом. Пашка за старшего и в поселке, и в усадьбе. Пока вроде все в норме. Спектакль закончился благополучно, люди стали расходиться. Вроде пронесло, но вздыхать с облегчением рано.

Как в воду глядел… Позвонил отец. Неизвестные в черном схватили Семена на выходе с завода и затолкнули в машину. Один неизвестный вроде как смахивает на Недельского, но отец точно сказать не может. Отец с Клавой, женой Семена, которая пришла встретить Сему после смены, пытаются преследовать машину. Я объявил тревогу. Про Сему я не забыл и давно снабдил всем необходимым на случай ЧП. Тревожная кнопка и маячок заработали. Сначала я не мог понять, куда движется машина, а потом понял – к нашему

сосновскому дому. Неужели Немчиновы решили заехать в сосновскую квартиру? Я набрал Славку, он теперь у Вальки в телохранителях. Так и есть. Соня упала, разбила лоб, много крови, поэтому решили заехать домой. Вадим с Виталием Петровичем побежали в аптеку. Славка с Валькой и детьми в квартире тети Зины. У нее окна на пустырь выходят, можно не бояться снайпера. Я немного успокоился. Тут прорезался отец, он все время со мной на связи. Как только они с Клавдией подъехали к нашему двору, на детской площадке произошел взрыв. Детей, к счастью, рядом не было, но взрывной волной снесло крышу с гаража, и крыша придавила пацана с бабкой. Из подъезда вылетел Славка, они с отцом вытащили пацана, у него только синяки, а вот бабка – без сознания. Скорая уже едет. Как только Славка с отцом разобрались с пострадавшими, они огляделись и увидели, что Клавдия тихонечко вышла из Валькиного подъезда и притаилась за дверью с лопатой. На всякий пожарный Славка с отцом шуметь не стали. Тут из подъезда вышел мужик в черном, и Клавка дала ему по башке лопатой. Мужик упал, отец сорвал бельевую веревку, и они со Славкой связали мужика. Клавдия рассказала, что пока отец со Славкой возились с потерпевшими, мужик принес в подъезд несколько бомб. Одну, самую большую, он привязал к Семену, а самого Семена привязал к двери в Валькину квартиру в наказание за то, что Семен якобы продался Немчиновым. Семен вроде сказал мужику, что ему терять нечего, все равно помирать, поэтому он сей-

час дернется и взорвет себя вместе с мужиком. Мужик в ответ засмеялся. Вроде как у него есть пульт, которым он активирует бомбы, только когда из подъезда выйдет. Пульт действительно был у мужика в руках, я приказал его не трогать – саперы подъедут с минуты на минуту.

Я подкатил к нашему дому. Ребята сработали на отлично, недаром их гонял Генерал. Оцепили дом, подогнали технику, чтобы эвакуировать людей через окна. Пришел привет от Митьки Монтекки. Ему прислали смс с просьбой срочно перезвонить дяде Вите Недельскому. Зачем Недельскому надо замазывать Монтекки? Наверное, тоже в наказание за дружбу с Немчиновыми.

Естественно, я ни на минуту не забывал, что Валька с детьми в доме. Вадим с Виталием Петровичем прибежали из аптеки, но в дом их уже не пустили. Сейчас они стоят совсем рядом с домом, на приказ отойти Немчиновы не реагируют. По-видимому, Недельский предполагал, что они подорвутся, когда будут входить в подъезд. «Хорошо хоть Мишка где-то болтается, может, спасется», – пришла мне в голову мысль. От этой мысли я покрылся холодным потом. Валька! Неужели мир сможет существовать без Вальки?!

Эвакуировали Вальку с детьми мы со Славкой вдвоем. Славка все делал с шуточками-прибауточками: надевал на детей каски, прилаживал бронники. Только когда мы уже спустились на землю и дети кинулись к отцу и деду, Славка вытер пот со лба. Мы успели. Я на минутку вслед за детьми

подошел к Немчиновым, а Славка сразу побежал спасать следующих жителей нашего дома.

Вадим прижал к себе Вальку и детей одновременно. Виталий Петрович не смог сдержать слезы. К старшим Немчиновым прорвались Мишка с Таней. Малышня в абсолютном восторге стала пересказывать, как их в касках доставали из окна с третьего этажа и как они совсем не боялись.

У меня немножко отлегло от сердца, когда я увидел, что Немчиновы направились к машине. Я только хотел присоединиться к Славке, как начался еще один акт драмы, который потребовал моего участия. В наш двор ворвалась Лариса Ивановна. Она была совершенно не в себе. Самое ужасное, что в правой руке Лариса Ивановна сжимала пистолет.

– Витька, Недельский, выходи, я тебя убивать буду. Ты что, сволочь, Митьку моего решил на нары отправить? Я тебе этого, сволочь, не прощу, убью гада.

Мы с Ларисой Ивановной друзья, поэтому я решил подойти к ней и забрать пистолет. Мало ли что шальная пуля может сделать. Я подошел к Ларисе и завел разговор, что ребята обязательно Недельского вычислят, и он получит за все по полной, а пистолет лучше отдать мне. Я заготовил кучу аргументов, но произнести их не успел. Я почувствовал сильный удар в спину и начал падать. Сволочь Недельский сдержал свое слово и пулю для меня не пожалел. Пока я падал, увидел, что на секунду Недельский выглянул из чердачного окна, чтобы убедиться, что пуля меня достала. Этой секун-

ды оказалось достаточно, чтобы Генерал выстрелил. Недельский покачнулся и полетел головой вниз. После такого падения обычно не выживают, но контрольный в голову я бы все же сделал, но это уже не моя забота, ребята свое дело знают.

Я упал. Во дворе стало тихо-тихо, даже вороны каркать перестали. Я посмотрел на небо. Я раньше и не заметил, что идет снег, такие крупные белые снежинки. До чего же хорошо! Зла больше нет. Можно любить, рожать детей и не бояться. Надо в выходные будет к Вовке в лесничество съездить. В баньке попаримся. Я бы лежал, мечтал и смотрел в небо долго, долго.

– Коолька! – раздался душераздирающий крик Вальки. Я приподнял голову. Валька расталкивала охрану и вопила: – Коолька!

С другой стороны, совершенно белый, ко мне бежал отец. Я понял, что дальше лежать и изображать из себя труп негуманно.

– Левашова, чего орешь, всех ворон распугала. Живой я, живой, ты что, не видишь, что на мне бронник. Батя, помоги встать.

Отец помог мне подняться, Лариса Ивановна посмотрела на меня и осела на снег. Народ стал приходить в себя. К нам подбежали Пантелей Иванович с Анной Александровной. Анна Александровна стала совать Ларисе какие-то таблетки. Лариса сначала отталкивала руку «разлучницы», а потом все же таблетки взяла. Краем глаза я увидел, что из подъ-

езда вывели Семена. Он практически не стоял на ногах, его вместе с Клавой погрузили в скорую помощь и увезли. Лично я категорически пресек попытки погрузить меня на носилки и увезти в больницу. Подумаешь, синяк заработал, до свадьбы моих дочерей заживет.

Под занавес во дворе появился Митька Монтекки с отцом. Как я понял, перед уходом из дома Лариса их заперла. Вроде как они по водосточной трубе из дома вылезли, видок был соответствующий.

Митька сразу подошел к Пантелею.

– Дядя Пантелей, это ведь я тогда вас в музее чуть не взорвал. Я готов за все ответить.

Я посмотрел на Ларису. Вид у нее был, как у побитой собаки, которую безоговорочно выгнали из дома вон на холод. Пантелей не сразу нашел, что сказать Митьке, но в конце концов получилось у него совсем неплохо.

– Знаешь, сынок, не надо сердить дядю Пантелея. Я твоих слов не слышал и, надеюсь, больше никогда не услышу. А вот если услышу, тут уж дядя Пантелей сильно сердиться будет. Бери мать и веди ее домой. Кончились наши мучения.

Мишка

Я никогда никому не рассказывал. Как только я узнал, что папу и маму заказал Недельский, каждую ночь перед сном я мечтал, что встречу Недельского на узкой дорожке и убью его. Не судьба! Умер Недельский не от моей пули.

Все наши загрузились в машину и собрались ехать домой, но я не мог не подойти к тому, что осталось от Недельского, и хотя бы не плюнуть на это. Я считаю, что это мой долг. Танька, конечно, пошла со мной. Охрана нас легко пропустила, когда я представился и сказал, что Недельский убил моих отца и мать. Люди прониклись, наверное, слышали мою историю.

Я подошел к Недельскому. Это был уже не человек – мешок с костями, да еще с переломанными. Соотнести то, что лежало передо мной, с тем Злом, которое Недельский причинил мне и всем нашим, было совершенно невозможно. Передо мной лежало ничтожество, даже плевка для него было жалко. Я стоял и смотрел… В голове было совершенно пусто, все чувства притупились, но повернуться и уйти я не мог. Ноги приросли к асфальту. Вдруг у меня в голове возник голос:

– Мишель, Тане плохо, помоги ей! – почему-то мне показалось, что это сказала мама. А потом тот же голос произнес:

– Недельский… забудь, это твое прошлое, Таня – это твоя

жизнь и твое будущее, – почему-то мне показалось, что это уже слова папы.

Я обернулся. Танька была совершенно зеленая и едва стояла на ногах. Я кинулся к ней.

– Прости, прости, – я обнял Таньку и поцеловал в лоб. Он был очень горячий.

– Мишка, я, пожалуй, пойду. Что-то мне поплохело…

Почему-то в этот момент я понял, что больше не могу и не хочу жить без Таньки. Конечно, у меня есть дед, дядя с тетей Валей, мелюзга, но Танька – это совсем не то, она моя, только моя, и больше я с ней не расстанусь.

– Танька, ты поедешь со мной, и мы поженимся. Я не могу и не хочу жить без тебя. Ты согласна?

– Мишка, иногда мне кажется, что кроме тебя у меня на всем свете больше никого нет. Только как твои посмотрят, если я к вам поеду?

– Если плохо посмотрят, я из дома уйду, будем в общежитии жить. Я какую-нибудь работу найду.

К нам подошел дед. Я сразу поставил его в известность, что Таня едет к нам. Он воспринял это как само собой разумеющееся.

Виталий Петрович

Прошел месяц. Потихонечку жизнь стала налаживаться. Валечкина беременность подтвердилась. Они с Вадимом неразлучны. Я очень волнуюсь за здоровье сына, но Аня и Верочка в один голос уверяют меня, что все не так плохо. Вроде бы обошлось… только Вадим стал совершенно седой.

Я прекрасно отдаю себе отчет, что в случае гибели Валечки и детей наши жизни с Вадимом закончились бы в тот же день. У меня эта мысль вызвала испуг, конечно, не потому, что я боюсь смерти, а потому что я не позаботился привести в порядок дела. Я обсудил этот вопрос с Вадимом, и мы вместе с ним составили завещания. Вадим в своем завещании особо оговорил, что Мишель после него должен получить долю, равную долям его родных детей. Я тоже поделил имущество между всеми внуками поровну. На Вадима я переписал парижскую квартиру.

Волнуюсь я и за Пантелея. После всего случившегося у него был тяжелейший сердечный приступ. Если бы не Верочка, моя сестра могла бы стать вдовой. Верочка – совершенно необыкновенная женщина, женщина необыкновенного мужества. Я вспоминаю, как на ее глазах Слава помогал эвакуировать людей из заминированного дома, из дома, который мог взорваться каждую секунду. Самое удивительное, что Верочка не жалуется и не рассказывает о своих пережи-

ваниях. Она просто принимает свою судьбу. Я очень надеюсь, что Слава и Николай получат государственные награды за мужество, проявленное при освобождении Сосновска от террористов.

Во время болезни Пантелея Юрочка каждую свободную минуту проводил с отцом. Они очень сблизились за это время. Думаю, что у Юрочки прекрасное будущее. За него взялась Люба. Она прекрасный преподаватель. Под ее руководством Юрочка и наши малыши бегло заговорили по-французски. Мы с Вадимом очень этому рады. Все-таки Франция – тоже наша Родина. Я познакомил Любу с Надин, и они приодели Юру. Выглядит он теперь очень стильно и красиво. Люба очень внимательно изучила все работы Юры по истории нашего рода и истории Сосновска. Неделю назад у нас появился друг Паганеля, профессор истории, такой же увлеченный человек, как Юра. По его оценке, у Юры хватит материала на несколько кандидатских. Дай-то бог!

Завтра наконец-то кончается зима. Наташа получила развод, и они с Юрой собираются пожениться. Одновременно с ними женятся Мишель с Таней. Мишель… Я очень волнуюсь за него. Когда я увидел Мишеля и Таню рядом с трупом Недельского, я вдруг отчетливо понял, что внук вырос. Он стал очень похож на своего отца. Когда Мишель привез Таню к нам и повел к себе, я не стал возражать. Я не вправе вмешиваться в его жизнь, но сердце болит – внуку ведь только восемнадцать.

Мне очень хотелось получить от судьбы знак, правильно ли я поступаю, что разрешаю детям вступить в брак. Соня и Сережа упросили родителей взять котенка из приюта Володи. Весь дом теперь у нас полон бумажных шариков с ниточками – кошачьих игрушек. Сегодня один шарик я нашел у себя в кабинете под письменным столом. Дети свернули шарик из газеты. Я понес шарик в мусорное ведро, по дороге бумага расправилась, и я прочитал: «Делай, что должен, и будь, что будет». Я все понял. Я с легким сердцем пойду на свадьбу Мишеля и Танечки, а потом… а потом я буду молиться, чтобы у детей все было хорошо.